

МОРЕ и ЖАВОРОНОК

ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ
И АМЕРИКАНСКИХ
ПОЭТОВ XVI–XX ВВ.

Антология
Григорий Михайлович Кружков
Море и жаворонок. Из
европейских и американских
поэтов XVI–XX вв.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64804646
ISBN 978-5-89059-359-7

Аннотация

Представительная антология пяти веков поэзии, в которую входят крупнейшие поэты Старого и Нового Света (Джон Донн, Джон Китс, Уильям Шекспир, Льюис Кэрролл, Уильям Йейтс, Эмили Дикинсон и другие), суммирует полувековую работу известного переводчика Григория Михайловича Кружкова.

Английские, американские, французские и испанские стихи даются в хронологическом порядке, выявляющем общие тенденции европейской поэзии. Начинается книга со своеобразного пролога: древнеирландских стихов раннего Средневековья – именно здесь впервые появилась рифмованная поэзия, вскоре распространившаяся по всему континенту.

Григорий Кружков – лауреат Государственной премии РФ, премии Гильдии переводчиков «Мастер», Большой Бунинской и Волошинской премий и др.; профессор, член Шекспировской

комиссии РАН; почетный доктор литературы Дублинского университета.

Содержание

Григорий Кружков	12
Из древнеирландской поэзии	21
Песнь Амергина	21
Монах и его кот	23
Рука писать устала	25
Король и отшельник	26
Буря	31
Думы изгнанника	33
Сказала старуха из берри, когда дряхлость постигла ее	35
Видение святой Иты	40
Монах в лесочке	42
О мыслях блуждающих	45
Ева	47
Из английской поэзии	48
Томас Уайетт	48
Влюбленный восхваляет прелестную ручку своей дамы	48
Он рассказывает о тех, кто его покинул	50
<i>Noli me tangere</i> [1]	51
Влюбленный призывает свое перо вспомнить обиды от немилосердной госпожи	52

Сонет из тюрьмы Томаса Уайетта, родившегося в месяце мае	55
Своему соколу по кличке удача	55
Прощай, любовь	56
Генри Говард, Граф Сарри	57
Строфы, написанные в Виндзорском замке	58
Весна в Виндзоре	60
Оправдание графа Сарри, написанное в тюрьме Флит	61
Анна Эскью	65
Баллада, сочиненная Анной Эскью в Ньюгейтской тюрьме	66
Джон Харингтон из Степни	69
Матушке о сражении, коего свидетелем я стал	70
Королева Елизавета I	72
Мой глупый мопс, что приуныл, чудак?	73
Джордж Гаскойн	75
Благородной леди, упрекнувшей меня, что я опускаю голову и не гляжу на нее, как обычно	76
Два сонета из «Приятной повести о Фердинандо Джероними и Леоноре де Валаско»	77
Колыбельная Гаскойна	79
Филип Сидни	81

Расставание	82
Из книги сонетов «Астрофил и Стелла»	83
«Не выстрелом коротким наповал...»	83
«Как медленно ты всходишь, Месяц томный...»	84
«Ужели для тебя я меньше значу...»	84
Кристофер Марло	86
Влюбленный пастух – своей нимфе	87
Сэр Уолтер Рэли	89
Ответ нимфы влюбленному пастуху	90
Природа, вымыв руки молоком...	91
Сыну	93
Наказ душе	94
Из поэмы «Океан к Цинтии»[1]	99
Томас Лодж	105
Сонет, начерченный алмазом на ее зеркале	106
Чидик Тичборн	108
Моя весна – зима моих забот	109
Уильям Шекспир	110
Из поэмы «Венера и Адонис»	111
Последняя песенка Фесте	117
Песенки Шута из «Короля Лира»	118
Песня коробейника из «Зимней сказки»	121
Погребальная песня из «Цимбелина»	121
Из «Макбета»	122
Два сонета о поэте-сопернике	123

Джон Донн	126
Эпиталама, сочиненная в Линкольн-Инн	127
Блоха	132
Призрак	133
Пища любви	134
Песенка	135
Твикнамский сад	137
К восходящему солнцу	138
Прощание, запрещающее печаль	139
Алхимия любви	141
Прощание с любовью	142
Элегии	146
Портрет	146
Отречение	147
Изменчивость	148
На раздевание возлюбленной	150
Любовная наука	152
Любовная война	153
Послания	155
Томасу Вудворду	155
Томасу Вудворду	156
Эдварду Гилпину	157
Шторм	158
Генри Гудьери, побуждая его отправиться путешествовать за границу	161
Генри Уоттону	163

Конец ознакомительного фрагмента.

167

Море и жаворонок

Из европейских и американских поэтов XVI–XX вв.

© Г. М. Кружков, перевод, составление, 2019

© Н. А. Теплов, оформление, 2019

© Издательство Ивана Лимбаха, 2019

R. Fuchs

Григорий Кружков

Предисловие

Эта книга юбилейная – она подытоживает 50 лет переводческой работы. А началось всё с того, что никому не известный аспирант-физик сведал адрес издательства «Художественная литература», приехал на Ново-Басманную улицу, поднялся на пятый этаж, в отдел зарубежной литературы, постучался в первую дверь и спросил, кому можно показать свои переводы. Их у меня было ровно два: «Ода Греческой Вазе» Джона Китса и сонет, начинающийся по-английски словами «I cry you mercy, pity, love – ay, love». Мне повезло, меня не завернули с порога, а наоборот – прочли, ободрили и вскоре предложили попробовать свои силы в переводе Эдгара По и Теофиля Готье. И даже – вот чудо! – приняли мои еще ученические опусы к печати. Там были, в частности, «Луксорский обелиск» Готье и «К Елене» Эдгара По; посмотрите, если интересно, – с этого я начинал.

Хотя, если разобраться, начало можно отнести еще дальше назад – к школьным временам. Помню, кто-то сказал мне, что в Москве на улице Качалова есть букинистический магазин, где продают книги на иностранных языках. Я поехал туда и за сущие пустяки купил восхитительный томик Генри Лонгфелло 1860 года и двухтомник Альфреда Теннисона,

тоже прижизненный, с иллюстрациями, прикрытыми тонкой папиросной бумагой. Для молодых читателей уточню: в те баснословные времена граница, конечно, была на замке, так что современные английские книги не могли проникнуть в СССР. Купленные мной были обломками каких-то еще довоенных библиотек.

Я жил тогда в подмосковном поселке на улице 2-я Крестьянская. В детстве у меня не было ни заветного отцовского шкафа с книгами, ни вдохновенного учителя литературы, читающего наизусть Блока, вообще ничего подобного. Но тем сильнее меня тянуло в сторону стихов, а стихи на чужом языке были еще таинственней и тем самым притягательней.

У Олега Чухонцева есть такие строки:

Смотри, как сладко ягоды висят,
Но слаще среди них чужая ветка.
«Малина ваша проросла в наш сад», —
Через забор мне говорит соседка.

Чужое манит, потому что есть какой-то всеобщий закон тяготения, из которого закон Ньютона вытекает как частное следствие. И еще: без чужого не бывает *нового*. Вся история литературы это доказывает.

Как возникло желание переводить, это невольное шевеление губ, все время пытающихся сказать по-русски то, что они прочитали по-английски? Я думаю, в основе было желание приблизиться, понять и присвоить. Аркадий Гаври-

лов, переводчик стихов Эмили Дикинсон, однажды заметил: «Стихотворение на чужом языке похоже на негатив портре-та, в котором с трудом можно угадать черты личности поэта. Многое остается непонятным, пока не переведешь портрет с негатива на бумагу и не обработаешь отпечаток „химией“ своей души».

Сейчас я могу как-то это объяснить, отрефлектировать; а тогда, в юности, я действовал спроста, не задумываясь. Откуда взялась первая сноровка? Откуда пришло чувство (наи-важнейшее для переводчика), что если не получается как следует, ты должен или расшибиться в лепешку – или уж оставить стихотворение в покое, не портить хорошую вещь? Видимо, какой-то переводческий ген сидел во мне с самого начала.

Но дальше судьба сделала зигзаг. В юности бывает так (и даже очень часто!), что человек увлекается одновременно или почти одновременно сразу двумя девушками. Вот так и я, не разлюбив стихов, увлекся естественными науками и почти на десять лет ушел в физику. Сказать точнее, я жил, как тот крестьянин у Маяковского: «землю попашет, попишет стихи». Но поэзия в конечном счете взяла верх. Произошел как бы *переворот оверкиль* – не так внезапно и не так драма-тически, как переворачивается айсберг – с оглушительным треском и шумом, рассыпая хрустальные обломки льда, – но все-таки это произошло.

Переводческое искусство схоже с актерским. И там и тут главный инструмент – ты сам, со своим характером, темпераментом, складом речи, и так далее. Физиономия актера неизбежно проглянет в любой его роли.

За свою переводческую жизнь я переиграл десятки ролей – от поэзии XVI века до современности. И они нисколько не мешают друг другу. Наоборот, чем ты больше вобрал, чем больше можешь уловить связей, отзывов и параллелей у поэтов, тем больше это тебе помогает: ведь *лучшее объяснение стихов – другие стихи*.

Как у всякого переводчика, у меня есть любимые авторы, давно ставшие моими постоянными спутниками. Это англичане Джон Донн, Уильям Шекспир, Джон Китс; из ирландской поэзии – средневековая монастырская лирика, Уильям Батлер Йейтс, Джеймс Джойс, Шеймас Хини; из американцев – Эмили Дикинсон, Роберт Фрост и Уоллес Стивенс; из классиков нонсенса – Эдвард Лир и Льюис Кэрролл.

Но наряду с ними есть и другие – поэты, которыми я занимался, может быть, и меньше, но с не меньшим интересом и увлечением. Это, например, сэр Томас Уайет, граф Сарри, Джордж Гаскойн, сэр Филип Сидни, сэр Уолтер Рэли – романтические фигуры, настоящие люди Возрождения; иные из них сложили свои головы на поле боя, другие – на эшафоте. Это и Томас Кэмпион, самый музыкальный из елизаветинских поэтов, лютнист и врач, и Эндрю Марвелл, сатирик и возвышенный метафизик в одном лице. Далее, три по-

этая трагической судьбы: Кристофер Смарт, в сумасшедшем доме написавший свои самые потрясающие строки; Уильям Каупер, всю жизнь боровшийся с душевной болезнью; поэт-крестьянин Джон Клэр, закончивший дни в скорбном доме. И выглядящие по сравнению с ними совершенно благополучными Уильям Бордсворт и Альфред Теннисон, удостоенный за свои стихи титула лорда. Эмили Бронте и Элизабет Браунинг, две замечательные женщины, погубленные чахоткой, но успевшие оставить яркий след в литературе. (Почему-то этот недуг в девятнадцатом веке был особенно беспощаден к женщинам.) Далее, знаменитый художник Данте Габриэль Россетти – и никому при жизни неведомый священник-иезуит Джерард Хопкинс; автор мужественных баллад, рано завоевавший славу Редьярд Киплинг – и поэты-декаденты 1890-х годов Эрнст Даусон и Лайонел Джонсон с их неприкаянными судьбами и ранним концом. Какие поразительно разные поэтические личности в рамках одной эпохи, одной поэтической традиции.

Но, помимо этих достаточно известных имен, есть другие, пребывающие в тени; помимо хрестоматийных стихов, есть и редко вспоминаемые, и практически забытые. Некоторые из этих вещей – наиболее удачно получившиеся по-русски – я тоже решил включить в эту книгу. Ведь не зря же я отыскивал их в старинных антологиях, в библиотечных закоулках, пленился ими и переводил, мечтая поделиться с русским читателем своей находкой. Удивительное чувство – вывести

из темноты забытого автора или неизвестное стихотворение; какой-то ток проходит в это мгновение по твоей руке. Всего лишь несколько миллиампер, но ты его ощущаешь.

Вот лишь два примера: героические стихи Анны Эскью, мученицы за веру, написанные перед казнью в последние годы правления Генриха VIII, и исполненные изящного юмора стихи ее современника Джона Харингтона, посланные в письме матушке в оправдание долгого молчания. В книге они стоят рядом, и этот контраст дополняет картину времени.

Михаила Леоновича Гаспарова однажды спросили: перед тем как переводить, стараешься ли вы больше узнать о поэте? «Не то слово, – отвечал Гаспаров, – я обязан знать о нем всё». К этому можно добавить: переводчик должен знать «всё» не только о самом поэте, но и его современниках и предшественниках. Можно ли, например, разумно судить о сонетах Шекспира (не говоря о том, чтобы их переводить), не зная Гаскойна, Сидни и Донна, не изучив в целом сонетной продукции последнего десятилетия царствования Елизаветы? Только сравнивая, мы можем сказать, где открытие поэта, где новая и яркая метафора, а где обычное для того времени поэтическое клише.

Одна из выгод переводческой профессии в том, что она заставляет тебя все время выведывать и узнавать новое. А узнав, хочется этим поделиться. Исторический фон, судьбы поэтов, обстоятельства создания стихотворений и так да-

лее – делают наше понимание глубже и качественней, тем самым умножая удовольствие от прочитанных строк. Мне нравится вести за собой читателя в эти обширные пространства за стихами, предлагать ему не только переводы, но и свои рассказы о любимых поэтах. Многие из них собраны в книгах: «Ностальгия обелисков» (2001), «Лекарство от Фортуны» (2003), «Пироскаф» (2008), «Очерки по истории английской поэзии» в 2 томах (2015; 2016), и последняя: «Ветер с океана: Йейтс и Россия» (2019).

Моя основная область – английская поэзия (а также ирландская и американская); но были у меня вылазки и за пределы англоязычных стран, во французский и испанский огород, и не только. Всё связано со всем. Без Пьера Ронсара и других поэтов Плеяды трудно понять сонетный бум в ренессансной Англии, начавшийся с «Астрофила и Стеллы» Филиппа Сидни; эта та самая малина, которая «проросла в наш сад». И конечно, без Верлена и «проклятых поэтов» не было бы Эрнста Даусона и его друзей-декадентов.

Особое место в этой книге занимает средневековая ирландская поэзия, которую также называют монастырской лирикой, потому что авторы по большей части были монахи. Это самая ранняя рифмованная поэзия в Европе (не считая арабской андалузской) и во многих отношениях уникальная. Уже в VIII–IX веках ирландские поэты разработали весьма изощренную систему стихосложения – силлабическую в своей основе и сложно зарифмованную. Не зная древнеирланд-

ского языка, я переводил по подстрочникам, но при этом смотрел в оригинал и старался сколько можно сохранить звучание и формальную структуру стихов.

В заключение хочу процитировать сонет Джона Китса. Предварю его только одним примечанием: в самом начале у Китса, по-видимому, аллюзия на слова Филипа Сидни из его знаменитого трактата «Зашита поэзии»: «Природа – бронзовый истукан, лишь поэты покрывают его позолотой».

Как много славных бардов золотят
Чертоги времени! Мне их творенья
И пищей были для воображенья,
И вечным, чистым кладезем отрад;
И часто этих важных теней ряд
Проходит предо мной в час вдохновенья,
Но в мысли ни разброда, ни смятенья
Они не вносят – только мир и лад.
Так звуки вечера в себя вбирают
И пенье птиц, и плеск, и шум лесной,
И благовеста гул над головой,
И чей-то оклик, что вдали витает...
И это все не дикий разнобой,
А стройную гармонию рождает.

Из древнеирландской поэзии

Песнь Амергина

Я сохач – семи суков
Я родник – среди равнин
Я гроза – над глубиной
Я слеза – ночной травы
Я стервятник – на скале
Я репейник – на лугу
Я колдун – кто как не я
Создал солнце и луну?

Я копье – что ищет кровь
Я прибой – чей страшен рев
Я кабан – великих битв
Я заря – багровых туч
Я глагол – правдивых уст
Я лосось – бурливых волн
Я дитя – кто как не я
Смотрит из-под мертвых глыб?

Я родитель – всех скорбей
Поглотитель – всех надежд
Похититель – всех быков

Победитель – всех сердец

Монах и его кот

С белым Пангуром моим
вместе в келье мы сидим;
не докучно нам вдвоем:
всякий в ремесле своем.

Я прилежен к чтению,
книжному учению;
Пангур иначе учен,
он мышами увлечен.

Слаще в мире нет утех:
без печали, без помех
упражняться не спеша
в том, к чему лежит душа.

Всяк из нас в одном горазд:
зорок он – и я глазаст;
мудрено и мышь споймать,
мудрено и мысль понять.

Видит он, сощуря глаз,
под стеной мышиный лаз;
глаз мой видит в глубь строки:
бездны знаний глубоки.

Весел он, когда в прыжке
мышь настигнет в уголке;
весел я, как в сеть свою
суть премудру уловлю.

Можно днями напролет
жить без распрай и забот,
коли есть полезное
ремесло любезное.

Кот привык – и я привык
враждовать с врагами книг;
всяк из нас своим путем:
он – охотой, я – письмом.

Рука писать устала

Рука писать устала
писалом острым, новым;
что клюв его впивает,
то извергает словом.

Премудрости прибудет,
когда честно и чисто
на лист чернила лягут
из ягод остролиста.

Шлю в море книг безбрежно
прилежное писало
стяжать ума и блага;
рука писать устала.

Король и отшельник

Гуаири:

Отшельник Морбан, молви:
зачем бежишь из келий?
зачем ты спиши в лесу один
среди осин и елей?

Морбан:

Моя обитель в чаще,
несведущим незрима;
ее ограда с двух сторон —
орешня и рябина.

Столбы дверные – вереск,
а жимолость – завеса;
там по соседству дикий вепрь
гуляет среди леса.

Мала моя лачужка,
но есть в ней всё, что надо;
и с крыши песенка дрозда
ушам всегда отрада.

Там дни текут блаженно

в смиренье и покое;
пойдешь ли жить в жилье мое?
Житье мое такое:

Тис нетленный —
мой моленный
дом лесной;
дуб ветвистый,
многолистый —
сторож мой.

Яблок добрых,
алых, облых —
в куще рай;
мних безгрешен,
рву с орешин
урожай.

Из криницы
ток струится
(свеж, студен!);
вишней дикой,
земляникой
красен склон.

Велий заяц
вылезает
из куста;
скачут лани

по поляне —
лепота!

Бродят козы
без опаски
близ ручья;
барсучаты
полосаты
мне друзья.

А какие
всюду снеди —
сять, пируй! —
сколько сочных
гроздий, зелий,
светлых струй!

Мед пчелиный
из дуплины
(Божья вещь!);
грибы в борах,
а в озерах
язь и лещ.

Все угодья
многоплодье
мне сулят,
терн да клюква
(рдяна, крупна!)

манят взгляд.

Коноплянка
тонко свищет
меж ветвей;
дятел долбит —
абы токмо
пошумней.

Пчел жужжанье,
кукованье,
гомон, гам:
до Самайна
не утихнуть
певунам.

Славки свищут,
пары ищут
допоздна;
ноша жизни
в эту пору
не грузна.

Ветер веет,
листья плещут,
шепчут;
струйным звоном
вторит в тон им
водопад!

Буря

Над долиной Лера – гром;
море выгнулось бугром;
это буря в бреги бьет,
лютым голосом ревет,
потрясая копием!

От Восхода ветер пал,
волны смял и растрепал;
мчит он, буйный, на Закат,
где валы во тьме кипят,
где огней дневных привал.

От Полунощи второй
пал на море ветер злой;
с гиком гонит он валы
вдаль, где кличут журавли
над полуденной волной.

От Заката ветер пал,
прямо в уши грянул шквал;
мчит он, шумный, на Восход,
где из бездны вод растет
Древо солнца, светоч ал.

От Полудня ветер пал;

остров Сkit в волнах пропал;
пена белая летит
до вершины Калад-Нит,
в плащ одев уступы скал.

Волны клубом, смерч столбом;
дивен наш плывущий дом;
дивно страшен океан:
рвет кормило, дик и рьян,
кружит в омуте своем.

Скорбный сон, зловещий зрак!
Торжествует лютый враг;
кони Мананнана ржут,
ржут и гравами трясут;
в человеках – бледный страх.

Сыне Божий, Спас мой свят,
изведи из смертных врат;
укроти, Владыка Сил,
этой бури злобный пыл,
из пучин восставший Ад!

Думы изгнанника

Боже, как бы это дивно,
славно было —
волнам вверяться, возвратиться
в Эрин милый,

в Эларг, за горою Фойбне,
в ту долину —
слушать песню над Лох-Фойлом
лебедину;

в Порт-на-Ферг, где над заливом
утром ранним
войско чаек встретит лодку
ликованьем.

Много снес я на чужбине
скорбной муки;
много очи источили
слез в разлуке.

Трудный ты, о Тайновидец,
дал удел мне;
ввек бы не бывать ей, битве
при Кул-Дремне!

Там, на западе, за морем —
край родимый,
где блаженная обитель
сына Диммы,

где отрадой веет ветер
над дубравой,
где, вспорхнув на ветку, свищет
дрозд вертлявый,

где над дебрями Росс-Гренха
рев олений,
где кукушка окликает
дол весенний...

Три горчайших мне урона,
три потери:
отчина моя, Тир-Луйгдех,
Дурроу, Дерри.

Сказала старуха из берри, когда дряхлость постигла ее

Как море в отлив, мелею;
меня изжелтила старость;
что погибающей – горе,
то пожирающей – сладость.

Мне имя – Буи из Берри;
прискорбны мои потери,
убоги мои лохмотья,
стара я душой и плотью.

А было —
до пят я наряд носила,
вкушала от яств обильных,
любила щедрых и сильных.

Вы, нынешние, – сребролюбы,
живете вы для наживы;
зато вы сердцами скупы
и языками болтливы.

А те, кого мы любили,
любовью нас оделяли,
они дарами дарили,

действиями удивляли.

Скакали по полю кони,
как вихрь, неслась колесницы;
король отличал наградой
того, кто первым примчится!..

Уж тело мое иного
устало взыскует крова;
по знаку Божьего Сына
в дорогу оно готово.

Взгляните на эти руки,
коряые, словно сучья:
нехудо они умели
ласкать героев могучих.

Коряые, словно сучья, —
увы! им теперь негоже
по-прежнему обвиваться
вокруг молодцов пригожих.

Осталась от пива горечь,
от пира — одни обедки,
уныл мой охрипший голос,
и космы седые редки.

Пристало
им нищее покрывало —

взамен цветного убора
в иную, лучшую пору.

Я слышу, море бушует,
холодная буря дует;
ни знатного, ни бродягу
сегодня к себе не жду я.

За волнами всплески весел,
плывут они мимо, мимо...
Шумят камыши Атх-Альма
сурово и нелюдимо.

Увы мне! —
дрожу я в гавани зимней;
не плыть мне по теплым волнам,
в край юности нет пути мне.

О, время люто и злобно! —
в одеже и то озноно;
такая стужа на сердце —
и в полдень не обогреться.

Такая на сердце холода!
я словно гниющий желудь;
о, после утехи брачной
очнуться в часовне мрачной!

Ценою правого ока

я вечный надел купила;
ценою левого ока
я свой договор скрепила.

Бывало, я мед пивала
в пиру королей прекрасных;
пью ныне пустую пахту
среди старух безобразных.

Взгляните, на что похожа:
парша, лишай по коже,
волосья седые – вроде
как мох на сухой колоде.

Прихлынет
прибой – и назад уйдет;
так все, что прилив приносит,
отлив с собой унесет.

Прихлынет
прибой – и отхлынет вспять;
я все повидала в мире,
мне нечего больше ждать.

Прихлынет
прибой – и вновь тишина;
я жажду тьмы и покоя,
насытилась всем сполна.

Когда бы знал сын Марии,
где ложе ему готовлю! —
немало гостей входило
под эту щедрую кровлю.

Сколь жалок
тварь бедная — человек!
он зрит лишь волну прилива,
отлива не зрит вовек.

Блаженна скала морская:
прилив ее прilаскает,
отлив, обнажив, покинет —
и снова прилив прихлынет.

Лишь мне не дождаться, сирой,
большой воды — после малой,
что прежде приливом было,
отливом навеки стало.

Видение святой Иты

«Боже, об одном молю:
дай мне Сына твоего,
дай младенчика с небес,
чтобы нянчить мне его».

И сошел к ней Иисус,
чтоб утешилась жена,
как младенец к ней сошел,
и воскликнула она:

«Сыне на моей груди!
нету истины иной —
только ты, мое Дитя;
спи, младенец мой грудной.

Днем и ночью на груди
я лелею чистый свет,
сшедший в лоно молодой
иудейки в Назарет.

О младенец Иисус,
ты нам отдал жизнь свою,
и за то тебя, Господь,
сладким млечом я кормлю.

Славься, Божие дитя!
нету истины иной,
кроме Господа Христа;
спи, младенец мой грудной».

Монах в лесочке

Рад ограде я лесной,
за листвой свищет дрозд;
над тетрадкою моей
шум ветвей и гомон гнезд.

И кукушка в клубке
вдалеке будит лес.
Боже, что за благодать —
здесь писать в тени древес!
Утраченная псалтырь
Сказал Маэль Ису:

О старая любовь моя,
так сладок вновь мне голос твой,
как в юности в стране Тир-Нейл,
где ложе я делил с тобой.

Была юницей светлой ты,
но мудрою не по годам;
я отрок семилетний был,
неловок, простодушен, прям.

Ни общий кров, ни долгий путь
нас, истовых, не осквернил:
безгрешным жаром я пылал,

блаженный я безумец был.

Всю Банбу мы прошли вдвоем,
не разлучаясь много лет;
дороже речи короля
бывал мне мудрый твой совет.

С тех пор спала ты с четырьмя;
но дивны божии дела:
ты возвратилася ко мне
такой же чистой, как была.

И вот ты вновь в моих руках,
устав от странствий и дорог;
не скрою, лик твой потемнел,
и пепел лет на кожу лег.

Я говорю тебе: привет!
Знай, без вины твой старый друг;
ты – упование мое,
спасенье от грядущих мук.

Хвала тебе – по всей земле,
стези твои – во все края;
впивая сладость слов твоих,
вовеки жив пребуду я.

Всем возлюбившим – речь твоя,
увещеванье и завет:

ты учишь, как Творца молить,
вседневный исполнять обет.

Ты разуменье мне даришь,
в душе искореняешь страх:
да отойду к Владыке Звезд,
земле оставив тленный прах!

О мыслях блуждающих

Мысли неподобные,
горе мне от вас;
где вас ветры злобные
носят всякий час?

От молитв бежите вы,
аки от ловца;
скачете, блажите вы
пред очьми Отца.

Сквозь леса пустынные,
стогны городов,
в сборища бесчинные,
в суetu торгов;

В зрелица соблазнья
(льстя себе утех),
в пропасти ужасные,
им же имя — грех;

Над морями реючи,
там, где нет стези,
ово на земле еще,
ово в небеси, —

Мечетесь, блуждаете
вдоль мирских дорог;
редко забредаете
на родной порог.

Хоть для удержания
соторви тюрьму,
нет в вас прилежания
долгу своему.

Хоть вяжи вас вервием,
хоть бичом грози,
не сойдете, скверные,
с пагубной стези.

Не унять вас бранями,
не в подмогу пост:
скользки вы под дланями,
аки рыбий хвост!..

Ева

Я – Ева, подруга Адама,
я гнева Господня причина;
коснувшись запретного дерева,
я чад своих неба лишила.

Была я владычицей сада,
но руки свои запятнала;
великий я грех совершила,
великая грянула кара.

Мне яблоко стало дороже
всемилости Божьей; за это
быть женам рассудка лишенным
вовек, до скончания света.

Не знали бы люди ни глада,
ни зимнего хлода, ни снега;
ни страха, ни черного ада
не ведали – если б не Ева!

Из английской поэзии

Томас Уайетт 1503–1542

Уайетт учился в Кембридже, получил степень магистра. Обладая блестящими способностями, быстро сделал дипломатическую и придворную карьеру. В 1536 году по подозрению в любовной связи с королевой Анной Болейн подвергся аресту и едва избежал казни, постигшей не только королеву, но и ряд его близких друзей. Три года спустя был обвинен в изменнических сношениях с испанцами, но на суде сумел себя защитить. Умер в дороге от скоротечной лихорадки. Уайетт – важнейший английский поэт первой половины XVI века. Он впервые ввел в английскую поэзию итальянские формы стиха: сонет и терцины. При жизни стихи Уайетта не печатались, но оказали огромное влияние на его современников и последователей.

**Влюбленный восхваляет
прелестную ручку своей дамы**

Ее рука
Нежна, мягка,
Но сколь властна она!
В ней, как раба,
Моя судьба
Навек заключена.

О, сколь персты
Ее чисты,
Изящны и круглы! —
Но сердце мне
Язвят оне,
Как острие стрелы.

Белей снегов
И облаков
Им цвет природой дан;
И всяк из них,
Жезлов драгих,
Жемчужиной венчан.

Да, я в плenу,
Но не кляну
Прекрасной западни;
Так соизволь
Смягчить мне боль,
Любовь свою верни.

А коли нет

Пути от бед
Для сердца моего,
Не дли скорбей,
Сожми скорей
И задуши его!

Он рассказывает о тех, кто его покинул

Они меня обходят стороной —
Те, что, бывало, робкими шагами
Ко мне прокрадывались в час ночной,
Чтоб теплыми, дрожащими губами
Брать хлеб из рук моих, — клянусь богами,
Они меня дичатся и бегут,
Как лань бежит стремглав от ловчих пут.

Хвала фортуне, были времена
Иные: помню, после маскарада,
Еще от танцев разгорячена,
Под шорох с плеч скользнувшего наряда
Она ко мне прильнула, как дриада,
И так, целуя тыщу раз подряд,
Шептала тихо: «Милый мой, ты рад?»

То было наяву, а не во сне!
Но все переменилось ей в угоду:
Забвенье целиком досталось мне;

Себе она оставила свободу
Да ту забывчивость, что входит в моду.
Так мило разочлась со мной она;
Надеюсь, что воздастся ей сполна.

Noli me tangere¹

Кто хочет, пусть охотится за ней,
За этой легконогой ланью белой;
Я уступаю вам – рискуйте смело,
Кому не жаль трудов своих и дней.

Порой, ее завида меж ветвей,
И я застыну вдруг оторопело,
Рванусь вперед – но нет, пустое дело!
Сетями облака ловить верней.

Попробуйте и убедитесь сами,
Что только время сгубите свое;
На золотом ошейнике ее
Написано алмазными словами:
«Ловец лихой, не тронь меня, не рань:
Я не твоя, я цезарева лань».

¹ Не прикасайся ко мне (лат.). Согласно легенде, через триста лет после смерти Цезаря был пойман олень с алмазной надписью на шее: «Noli me tangere. Cesaris sum» («Не тронь меня. Я принадлежу Цезарю»).

Влюблённый призывает свое перо вспомнить обиды от немилосердной госпожи

Перо, встряхнись и поспеши,
Еще немного попиши
Для той, чье выжжено тавро
Железом в глубине души;
А там – уймись, мое перо!

Ты мне, как лекарь, вновь и вновь
Дурную сбрасывало кровь,
Болящему творя добро.
Но понял я: глуха любовь;
Угомонись, мое перо.

О, как ты сдерживало дрожь,
Листы измарывая сплошь! —
Довольно; это все старо.
Утраченного не вернешь;
Угомонись, мое перо.

С конька заезженного слазь,
Порви мучительную связь!
Иаков повредил бедро,
С прекрасным ангелом борясь;

Угомонись, мое перо.

Жалка отвергнутого роль;
К измене сердце приневоль —
Найти замену не хитро.
Тебя погубит эта боль;
Угомонись, мое перо.

Не надо, больше не пиши,
Не горячись и не спеши
За той, чьей выжжено тавро
Железом в глубине души;
Угомонись, мое перо.

Enrica
Gordu

Сонет из тюрьмы Томаса Уайетта, родившегося в месяце мае

Эй, вы, кому удача ворожит,
Кого любовь балует, награждая,
Вставайте, хватит праздновать лентяя,
Проспать веселый праздник мая – стыд.

Забудьте несчастливца, что лежит
На жесткой койке, в памяти листая
Все огорченья и обиды мая,
Что год за годом жизнь ему дарит.

Недаром поговорка говорит:
Рожденный в мае маяться обязан;
Моя судьба вам это подтвердит.
Долгами и невзгодами повязан,
Повержен в прах беспечный вертопрах...
А вы ликуйте! С вами я – в мечтах!

Своему соколу по кличке удача

Лети, Удача, смелый сокол мой,
Взмой выше и с добычею вернись.

Те, что хвалили нас наперебой,
Теперь, как вши с убитых, расположились;
Лишь ты не брезгаешь моей рукой,
Хоть волю ценишь ты и знаешь высь.
Лети же, колокольчиком звеня:
Ты друг, каких немного у меня.

Прощай, любовь

Прощай, любовь! Уж мне теперь негоже
На крюк с наживкой лезть, как на рожон;
Меня влекут Сенека и Платон
К сокровищам, что разуму дороже.

И я, как все, к тебе стремился тоже,
Но, напоровшись, понял, не резон
Бежать за ветром бешеным вдогон
И для ярма вылезти вон из кожи.

Итак, прощай! Я выбрал свой удел.
Морочь юнцов, молокососов праздных,
На них, еще неопытных и страстных,
Истрать запас своих смертельных стрел.
А я побуду в стороне; мне что-то
На сгнивший сук взбираться неохота.

Генри Говард, Граф Сарри 1517–1547

Брат Екатерины Говард, пятой жены Генриха VIII, казненной в 1542 году. Получил воспитание вместе с незаконным сыном короля герцогом Генри Ричмондом. Карьера Сарри – чередование блестящих успехов с эпизодами тюрьмы и опалы. В последние два года своей короткой жизни командовал укрепленным районом Булонь во Франции. Казнен по ложному обвинению. В поэзии Сарри был новатором, продолжавшим дело Томаса Уайета; многие из его сонетов написаны по канону, известному сейчас как «шекспировский»: три четверостишия с разными рифмами плюс заключительное двустишие. Ввел в английскую поэзию белый пятистопный ямб. Стихи Сарри (вместе со стихами Уайета и других) впервые опубликованы в сборнике Ричарда Тоттела «Песни

и сонеты» (1557).

Строфы, написанные в Виндзорском замке

Как вышло, что моей тюрьмой ты стал,
Виндзорский замок, где в былые годы
Я с королевским сыном возрастал
Среди утех беспечных и свободы?

О, как теперь горчит твоя краса —
Зеленые дворы, где мы гуляли,
К девичьей башне возводя глаза,
Вздыхая томно в сладостной печали;

Большие залы, пышный маскарад,
Волшебные поэмы, танцы, игры,
Признанья, в коих так горой стоят
За друга, что смягчились бы и тигры;

Мяч, в воздухе мелькавший взад-вперед,
Когда, ловя желанный взгляд с балкона
Красавицы, нам возвещавшей счет,
Бросок мы пропускали ослепленно;

Ристалище, где шелковый рукав
Прекрасной дамы привязав к шелому,

На потных конях мчались мы стремглав
В потешный бой – один навстречь другому;

Лугов росистых утренний покой,
Куда мы шум и буйство приносили,
Ведя ватагу под своей рукой
И состязаясь в ловкости и силе;

Укромные поляны, что не раз
Приветствовали эхом благосклонным
Обмен сердечных тайн и пылких фраз —
Обряд, без коего не жить влюбленным;

Дубрава, отряхнувшая с плеча
Осенний плащ, где, скакуна пришпоря,
Чрез пни и рвы мы гнали рогача,
Дав захлебнуться лаем гончей своре;

Опочивальни нашей строгий вид,
Простые и неубранные стены,
Как нам спалось вдали от всех обид
И горестей, как были сны блаженны!

Как безоглядно доверяли мы,
Как в дружбу верили, как ждали славы;
Как избывали скучный плен зимы,
Придумывая шутки и забавы!

Припомню – и отхлынет кровь от щек,

От вздохов разорваться грудь готова;
И, не умев слёз унять поток,
Я сетую и вопрошаю снова:

«Обитель счастья! Край, что столько мук
Принес мне непостижной переменой!
Ответствуй: где мой благородный друг,
Для всех – любимый, для меня – бесценный?»

Лиши эхо, отразясь от гулких плит,
Мне откликается печальным шумом;
Злосчастный арестант, судьбой забыт,
Я чахну в одиночестве угрюмом.

И только худшей скорби жгучий след
Смягчает боль моих последних бед.

Весна в Виндзоре

Устало подбородком опершись
На руку, а рукой – на край стены,
Тоскуя, поглядел я с башни вниз —
И удивился зрелищу весны,

Вновь разодевшой в пух цветущий луг,
Вновь разбудившей птах в тени дубрав;
И так нежданно вспомнилась мне вдруг

Веселая пора любви, забав,

Нестрашных бед и сладостных тревог, —
Всего, чего вернуть не станет сил,
Что шумных вздохов я сдержать не смог
И жаркими слезами оросил

Дол, зеленевший юною травой, —
И чуть не спрыгнул сам вниз головой.

Оправдание графа Сарри, написанное в тюрьме Флит

Ты, Лондон, в том винишь меня,
Что я прервал твой сон полночный,
Шум непотребный учиня.

А коли стало мне невмочно
Смотреть на ложь твою и блуд,
Град нечестивый и порочный?

И гнев во мне разжегся лют:
Души, я понял, лицемерной
Увещеванья не спасут.

Иль впрямь свои грехи и скверны

Ты втайне думал сохранить?
Сии надежды непомерны.

Возмездия не отвратить;
Непрочен мир творящих злое!
Чтоб эту истину внушить,

Решился я с моей пращою,
Прообразом Господних кар,
Лишить бездельников покоя.

Как молнии немой удар —
Ужасного предвестник грома,
Так камешков летящий стук

По ставням дремлющего дома
(Негромкий и невинный звук)
Я мнил, тебе судьбу Содома

С Гоморрою напомнят вдруг:
Чтобы гордыня усмирилась
И, смертный пережив испуг,

К возвышенному обратилась;
Чтоб Зависть тотчас поняла,
Как гнусен червь, — и устыдилась;

Чтоб Гнев узрел, в чем корень зла,
И свой унял жестокий норов;

Чтоб Леность сразу за дела

Взялась без дальних разговоров;
Чтоб Жадность раздала свой клад,
Познав бессмысленность затворов

И страхов ежедневный ад;
Чтоб любодеи клятву дали
Забыть про похоть и разврат;

Чтобы обжоры зарыдали,
Очнувшись, о своей вине;
Чтоб даже пьяницы в кружале,

Забыв о мерзостном вине,
Душою потянулись к Богу, —
Вот ведь чего хотелось мне,

Вот отчего я бил тревогу!
Не окна я ломал — будил
Тех гордых, что, греша помногу,

Небесных не боятся сил,
Не внемлют голосу провидца!
Но тщетно я потратил пыл.

О величайшая Блудница,
Тицеславный, лживый Вавилон!
Твои виссон и багряница

Не скроют бесов легион,
Кишащих в этих тесных стенах;
Ты лишь обманчиво силен;

Кровь мучеников убиенных
Взывает к небу, вопия
О вероломствах и изменах.

Их вопль услышит Судия
И скоро отомстит, нагрянув
С чумой и гладом на тебя;

И ты падешь, в ничтожность канув
Всем прахом башен и колонн,
Дворцов и гордых истуканов,

Чтоб стать навеки средь племен
Предупреждением нeliшним,
Как Град Греха, что сокрушен

Благим и праведным Всевышним.

Анна Эскью 1521–1546

В 1539 году Генрих VIII ввел смертную казнь за несоблюдение введенных им «Шести статей» – религиозного уложения, фактически означавшего возврат к католицизму. С этого момента стали казнить как католиков, отрицавших «Акт о супрематии», так и протестантов, несогласных с «Шестью статьями». Анна Эскью, молодая леди из Линкольншира,

за свои протестантские убеждения была заключена в тюрьму, подвергнута жесточайшим пыткам и сожжена. Есть основания полагать, что в преследовании Эскую были замешаны придворные интриги, так как она пользовалась покровительством последней жены Генриха VIII Екатерины Парр, и что ее пытались заставить дать показания против друзей при дворе; но Анна никого не выдала. Предсмертная баллада вместе с протоколами допросов протестантской мученицы была напечатана вместе с протоколами допросов в Марбурге (Германия) вскоре после ее казни.

Баллада, сочиненная Анной Эскую в Ньюгейтской тюрьме

Как рыцарь молодой,
Спешащий на турнир,
Я выхожу на бой,
И мой противник – Мир.

Он смертью мне грозит,
Со всех сторон тесня.
Но Дух Святой – мой щит
И Ангелы – броня.

Христова мощь сильна,
Она не даст мне пасть,

Пускай хоть сатана
Свою разверзнет пасть.

Но с верою Отцов
И с правдою в ладу
На сонмище врагов
Без страха я иду.

Я веселюсь душой
И не боюсь угроз,
Я знаю, что со мной
В союзе сам Христос.

Стучашим отворю, —
Так ты сказал, Господь.
Пошли же рать свою
Злодеев побороть.

Несчетно их число,
Врагов вокруг — стена;
Но не коснется зло
Ту, что тебе верна.

Что мне их дым и чад?
Ведь ты — заступник мой.
Не страшен супостат,
Пока мой Бог со мной.

Есть якорь у меня,

Есть праведный штурвал,
Есть крепкая ладья, —
Пускай же грянет шквал!

Неловко я пишу,
Мой стих не искушен,
И все же расскажу,
Какой мне снился сон.

Я зреда пышный зал
И царский в нем престол,
На коем восседал
Жестокий Произвол.

Бурлящей лжи потоп
Невинных поглотил,
И сатана взахлеб
Кровь мучеников пил.

Господь мой Иисус!
О, как на них падет
Их беззаконий груз,
Когда твой Суд грядет.

И все же, мой Господь,
Даруй и этим злым
Прощения щепоть,
Как я прощаю им.

Джон Харингтон из Степни 1512–1582

Занимал должность хранителя королевских зданий при Генрихе VIII. После смерти первой жены служил принцессе Елизавете и сохранил ей преданность в опасные времена правления королевы Мэри. Писал изящные стихи всем шести фрейлинам принцессы и в конце концов женился на одной из них – Изабелле Маркхем. Елизавета была крестницей

его первенца Джона, будущего поэта. Чтобы различить отца и сына, принято к имени старшего добавлять «из Степни», а к имени младшего – рыцарский титул «сэр».

Матушке о сражении, коего свидетелем я стал

Великий приключился бой —
Хотя убитых нет —
Меж тем, писать ли мне письмо
Иль отложить ответ.

У первой рати во главе
Стоял *Сыновний Долг*,
Но сэры *Спех* и *Недосуг*
Вели враждебный полк.

Спех в западню меня загнал
И выхода лишил,
А *Недосуг* со всех сторон
Войсками обложил.

Но капитан *Сыновний Долг*
Подвиг меня писать
И бодро воодушевил
Слабеющую рать.

Бой краток был и не кровав,
Хоть в эти полчаса
Явили обе стороны
Отваги чудеса.

Кому ж *Фортуна* в этот раз
Победу отдала?
Тому, кто против двух один
Держался, как Скала.

И победитель мне велел,
Едва лишь бой умолк,
Стихи Вам эти написать,
Чтобы явить свой Долг.

Королева Елизавета I

1533–1603

Дочь Генриха VIII и королевы Анны Болейн. В ранние годы приобрела основательные знания латыни, греческого, французского, итальянского, испанского, немецкого и фландрского языков. Взойдя на трон в возрасте двадцати пяти лет, поддерживала и поощряла стихотворство как часть рыцарского вежества. Воспета многочисленными придворны-

ми поэтами как Диана, Венера, Астрея, Королева фей и так далее. Сохранились поэтические переводы, сделанные королевой, а также несколько лирических стихотворений. Одно из них «Мой глупый мопс, что приуныл, чудак...» обращено, по всей вероятности, к ее фавориту Уолтеру Рэли.

Мой глупый мопс, что приуныл, чудак?

Мой глупый мопс, что приуныл, чудак? —
Не хмурься, Уолт, и не пугайся так.
Превратно то, что ждет нас впереди;
Но от моей души беды не жди.

Судьба слепа, твердят наперебой,
Так подчинюсь ли ведьме я слепой?
Ах нет, мой мопсик, ей меня не взять,
Будь зрячих глаз у ней не два, а пять.

Фортуна может одолеть порой
Царя, — пред склонится и герой.
Но никогда она не победит
Простую верность, что на страже бдит.

О нет! Я выбрала тебя сама,
Взаймы у ней не попросив ума.
А если и сержусь порой шутя,
Не бойся и не куксись, как дитя.

Для радостей убит, для горя жив, —
Очнись, бедняга, к жизни поспешив!
Забудь обиды, не грусти, не трусь —
И твердо знай, что я не изменюсь.

Джордж Гаскойн

1534?–1577

Родился в провинциальной дворянской семье. Учился в Кембридже и в лондонской юридической школе Линкольн-Инн. Безуспешно пытался сделать карьеру, неудачно женился, рассорился с родичами, воевал в Нидерландах, где попал в плен. По возвращении в Англию опубликовал второе издание своих сочинений (первое вышло во время его

пребывания на войне) под названием «Девизы Джорджа Гаскойна» (1575) или, в другом переводе, «Цветочки Джорджа Гаскойна». В сборник вошли не только его стихи, но и «Приятная повесть о Фердинандо Джероними и Леоноре де Валлаксо» – первый английский психологический роман о любви. В последние два года жизни написал и издал множество сочинений, в том числе «Благородное искусство псовой охоты» и назидательную поэму «Стальное зерцало».

Благородной леди, упрекнувшей меня, что я опускаю голову и не гляжу на нее, как обычно

Не удивляйся, что твоим глазам
Я отвечаю взглядом исподлобья
И снова вниз гляжу, как будто там
Читаю надпись на своем надгробье.

На праздничном пиру, где ты царишь,
Мне нет утеш; знаешь поговорку,
Что побывавшая в ловушке мышь
Сильнее ценит собственную норку?

Порою надо крыльшки обжечь,
Чтобы огня не трогать даже с краю.
Клянусь, я сбросил это иго с плеч

И больше в эти игры не играю.

Упорно, низко опускаю взгляд
Пред солнцами, что смерть мою таят.

Два сонета из «Приятной повести о Фердинандо Джероними и Леоноре де Валаско»

I

Когда тебя узрел я, о Звезда, —
Твой блеск и прелесть дивную твою,
Признаюсь: я зажмурился тогда,
Как трус невольно жмурится в бою.

Когда я вновь раскрыть глаза посмел,
Они еще спасти меня могли б,
Вдаль ускользнув; но я в упор смотрел,
Увы! — и засмотрелся — и погиб.

Я словно птичка у сучка в плenу,
Которую схватил коварный клей:
Чем судорожней лапку я тяну,

Тем делается самому больней.

Как видно, нет мне участи другой,
Чем плен принять и стать твоим слугой.

II

Пред ней сидел я, за руку держа,
«Помилосердствуй!» – умоляя взглядом,
И вдруг увидел, как моя душа
С соперником моим, стоявшим рядом,

Переглянулась; усмехнулся он —
Неверная улыбкой отвечала;
Она не слышала мой горький стон,
Соленых слез моих не замечала.

Что ж! блажью женской я по горло сыт,
Пора безумцупротрезветь немножко;
Пословица, ты знаешь, говорит:
И лучшая из кошек – только кошка.

Все клятвы их, что манят простеца,
Не стоят и скорлупки от яйца.

Колыбельная Гаскойна

Как матери своих детей
Кладут на мягкую кровать
И тихой песенкой своей
Им помогают засыпать,
Я тоже деток уложу,
И покачаю, и скажу:
Усните, баюшки-баю! —
Под колыбельную мою.

Ты первой, молодость моя,
Свернись в калачик — и усни,
Надежд разбитая ладья
Уж догнила в речной тени;
Взгляни: сутулый и седой,
С растрепанною бородой,
Тебе я говорю: прощай,
Усни спокойно: баю-бай!

Усните, зоркие глаза,
Всегда смотревшие вперед, —
Чтоб вас не обожгла слеза
Мелькнувших в памяти невзгод;
Зажмурьтесь крепче — день прошел;
Каков бы ни был он тяжел,
Вас ожидает гавань сна,

И темнота, и тишина.

Усни и ты, мой дерзкий дух,
Не знавший над собой узды;
Жар прихотей твоих потух
И сумасбродные мечты;
Клянусь тебе, за эту прыть
Мне долго пришлось платить;
Угомонись на этот раз,
Усни спокойно, — в добрый час!

Ты тоже усмири свой пыл,
Любвеобильный Робин мой,
И трепетом бессильных жил
Прошу, меня не беспокоить;
Пусть этим мучится юнец,
А ты истратился вконец;
Утихомирься, шалопай,
Улягся и усни. Бай-бай!

Усните же, мои глаза,
Мечты и молодость, — пора;
Оттягивать уже нельзя:
Под одеяла, детвора!
Пусть ходит Бука, страшный сон —
Укройтесь, и не тронет он;
Усните, баюшки-баю! —
Под колыбельную мою.

Филип Сидни

1544–1586

Родился в родовой усадьбе Пенхерст в Кенте. Учился в Оксфорде, после его окончания, по обычаю аристократических юношней, путешествовал по Европе. Отличился при дворе, с успехом участвовал в рыцарских турнирах, выполнил дипломатические поручения королевы. Был назначен комендантом Флашинга в Нидерландах, где и погиб в бою.

с испанцами. Его смерть имела, помимо Англии, и огромный европейский резонанс и положила начало культу Сидни как образцового рыцаря и поэта. Сидни – автор первого английского цикла сонетов «Астрофил и Стелла», напечатанного посмертно в 1591 году. Эта книга вызвала многочисленные подражания и породила так называемую «сонетную лихорадку» начала 1590-х годов. Он также является автором пасторально-рыцарского романа в прозе и стихах «Аркадия». Особое значение для английской литературы имеет замечательный трактат Сидни «Зашита поэзии».

Расставание

Я понял, хоть не сразу и не вдруг,
Зачем о мертвых говорят: «Ушел», —
Казался слишком вялым этот звук,
Чтоб обозначить злейшее из зол;

Когда же звезд жестоких произвол
Направил в грудь мою разлуки лук,
Я понял, смертный испытав испуг,
Что означает краткий сей глагол.

Еще хожу, произношу слова,
И не обрушилась на землю твердь,
Но радость, жившая в душе, мертва,
Затем, что с милой разлученье – смерть.

Нет, хуже! смерть всё разом истребит,
А эта – счастье губит, муки длят.

Из книги сонетов «Астрофил и Стелла»

«Не выстрелом коротким наповал...»

Не выстрелом коротким наповал
Амур победы надо мной добился:
Как хитрый враг, под стены он подрылся
И тихо город усыпленный взял.

Я видел, но еще не понимал,
Уже любил, но скрыть любовь стремился,
Поддался, но еще не покорился,
И, покорившись, все еще роптал.

Теперь утратил я и эту волю,
Но, как рожденный в рабстве московит,
Тиранство славлю и терпенье холю,
Целую руку, коей был побит;

И ей цветы фантазии несу я,
Как некий рай, свой ад живописуя.

«Как медленно ты входишь, Месяц томный...»

Как медленно ты входитъ, Месяц томный,
На небосклон, с какой тоской в глазах!
Ах, неужель и там, на небесах,
Сердца тиранит лучник неуемный?

Увы, я сам страдал от вероломной,
Я знаю, отчего ты весь исках,
Как в книге, я прочел в твоих чертах
Рассказ любви, мучительной и темной.

О бледный Месяц, бедный мой собрат!
Ответь, ужели верность там считают
За блажь – и поклонения хотят,
Но поклоняющихся презирают?

Ужель красавицы и там, как тут,
Неблагодарность гордостью зовут?

«Ужели для тебя я меньше значу...»

Ужели для тебя я меньше значу,
Чем твой любимый мопсик? Побожусь,

Что угодать не хуже я гожусь, —
Задай какую хочешь мне задачу.

Испробуй преданность мою собачью:
Вели мне ждать — я в камень обращусь,
Перчатку принести — стремглав помчусь
И душу принесу в зубах в придачу.

Увы! мне — небреженье, а ему
Ты ласки расточаешь умиленно,
Целуешь в нос; ты, видно по всему,
Лишь к неразумным тварям благосклонна.

Что ж — подождем, пока любовь сама
Лишит меня последнего ума.

Кристофер Марло

1564–1593

Марло родился в Кентенбери в семье башмачника. Благодаря стипендии, учрежденной архиепископом Паркером, сумел закончить Кембриджский университет. По-видимому, уже в студенческие годы исполнял какие-то поручения секретной службы королевы. В дальнейшем переехал в Лондон, сочинял пьесы для театров, перевел «Любовные эле-

гии» Овидия. В 1593 году был вызван в Звездную палату по обвинению в дерзком и кощунственном атеизме. Убит при загадочных обстоятельствах в лондонской таверне. Марло считают безвременно погибшим гением, предтечей Шекспира, его лучшая трагедия «Доктор Фаустус» (1592) ставится и в наше время. Следующее ниже стихотворение стало одной из самых популярных песен Елизаветинской эпохи и вызвало много подражаний и пародий.

Влюбленный пастух – своей нимфе

Пойдем со мной и заживем,
Любясь, как голубь с голубком,
Среди лугов, среди дубрав,
Среди цветов и горных трав.

Там, под скалой, любовь мою
Из родника я напою,
Где по камням звенят ручьи
И распеваю соловьи.

Захочешь ты, чтоб я принес
Тебе охапку свежих роз
Или тюльпанов? – повели:
Добуду, как из-под земли.

Я плащ любимой поднесу

С опушкой меховой внизу
И башмачки – кругом атлас,
Что тешут ножку, как и глаз.

Из мирта я сплету венок,
Коралл, янтарь сложу у ног;
Согласна ль ты в раю таком
Жить, словно голубь с голубком?

В обед мы будем каждый день
На мраморный садиться пень
И пить нектар, как боги пьют,
И есть из золоченых блюд.

И будут пастушки для нас
Петь и плясать во всякий час;
Чтоб нам с тобой в раю таком
Жить, словно голубь с голубком.

Сэр Уолтер Рэли

1552–1618

Родом из Девоншира. Учился в Оксфорде и в лондонской юридической школе Мидл-Темпл. Первое опубликованное стихотворение – предисловие к «Стальному зерцалу» Гаскойна (1576). Воевал во Франции и в Ирландии. По возвращении в Англию в 1582 году быстро сделал придворную карьеру, став капитаном дворцовой гвардии и фаворитом

Елизаветы. Прославился участием в разгроме Непобедимой армады, а также плаванием в Гвиану («Открытие Гвианы», 1597). После смерти королевы был арестован и приговорен к смерти. Заключенный в Тауэр, писал фундаментальную «Историю мира» (первый том издан в 1613 году), занимался научными экспериментами. Провел в тюрьме тринацать лет, предпринял второе плавание в Гвиану – и после возвращения был казнен по требованию испанцев, у которых он пытался отвоевать важные опорные пункты в Южной Америке. В дополнение к своим политическим, военным и морским талантам Рэли был ученым-энциклопедистом, философом и по-настоящему одаренным поэтом.

Ответ нимфы влюбленному пастуху

Будь вечны радости весны,
Будь клятвы пастухов прочны,
Я б зажила с тобой вдвоем,
Любясь, как голубь с голубком.

Но время гонит птиц в отлет,
Река взбурлившая ревет,
Смолкает Филомелы глас,
И холод обступает нас.

Там, где пестрел цветами луг,

Все пусто, все мертвое вокруг.
Коль мед в речах, а в сердце яд,
Рай скоро обратится в ад.

Рассыплются твои венки,
И поясок, и башмачки,
Истлеет нить, увянет цвет —
В них только блажь, а правды нет.

Так не сули подарков зря —
Ни роз, ни бус, ни янтаря,
И песен вкрадчивых не пой,
Нет, не пойду я жить с тобой.

Когда бы юность век цвела —
Без фальши, без забот и зла,
Мы бы зажили с тобой вдвоем,
Любясь, как голубь с голубком!

Природа, вымыв руки молоком...

Природа, вымыв руки молоком,
Не стала их обсушивать, но сразу
Смешала шелк и снег в блестящий ком,
Чтоб вылепить Амуру по заказу
Красавицу, какую только смел
В мечтах своих вообразить пострел.

Он попросил, чтобы ее глаза
Всегда лучистый день в себе таили,
Уста из меда сделать наказал,
Плоть нежную – из пуха, роз и лилий;
К сим прелестям вдобавок пожелав
Лиши резвый ум и шаловливый нрав.

И, план Амура в точности храня,
Природа расстаралась – но, к несчастью,
Вложила в грудь ей сердце из кремня;
Так что Амур, воспламененный страстью
К холодной красоте, не знал, как быть —
Торжествовать ему или грустить.

Но время, этот беспощадный Страж,
Природе отвечает лязгом стали;
Оно сметает Упований блажь
И подтверждает правоту Печали.
Тяжелый ржавый серп в его руках
И шелк, и снег – всё обращает в прах.

Прекрасной плотью, этой пищей нег,
Игривой, нежной и благоуханной,
Оно питает Смерть из века в век —
И не насытит прорвы окаянной.
Да, Время ничего не пощадит —
Ни уст, ни глаз, ни персей, ни ланит.

О Время! Мы тебе сдаем в заклад
Все, что для нас любезно и любимо,
А получаем скорбь взамен отрад.
Ты сводишь нас во прах неумолимо
И там, во тьме, в обители червей
Захлопываешь повесть наших дней.

Сыну

Три вещи есть, что процветают врозь:
Блаженно их житье и безмятежно,
Пока им встретиться не довелось;
Но как сойдутся – горе неизбежно.

Та троица – *ствол, стебель, сорванец*,
Стволы идут для виселиц дубовых,
Из *стеблей* выют веревочный конец
Для *сорванцов* – таких, как ты, бедовых.

Пока не пробил час – учи, мой друг, —
Дуб зелен, злак цветет, драчун смеется;
Но стоит им сойтись, доска качнется,
Петля скользнет, и сорванцу – каюк.

Не попусти Господь такому сбыться,
Чтоб в день их встречи нам не рас проститься.

Наказ душе

Душа, жилица тела,
Ступай в недобрый час;
Твой долг – исполнить смело
Последний мой наказ.
Иди и докажи,
Что мир погряз во лжи!

Скажи, что блеск придворный —
Гнилушки ореол,
Что проповедь – притворна,
Коль проповедник зол.
И пусть вопят ханжи —
Сорви личину лжи!
Скажи, что триумфатор,
В короне воссияв,
Всего лишь узурпатор
Чужих заслуг и слав.
И пусть рычат ханжи —
Сорви личину лжи!

Скажи вельможам важным,
Хозяевам страны,
Что титулы – продажны,
Что козни их – гнусны.
И пусть грозят ханжи —

Сорви личину лжи!

А гордецу и моту
Скажи, что сумасброд,
Транжирия по расчету,
Ждет новых благ и льгот.
Пусть злится — докажи,
Поймай его на лжи!

Скажи, что знанье — бремя,
Что плоть есть только прах,
Что мир — хаос, а время —
Блуждание впотьмах.
Земным — не дорожи,
Сорви личину лжи!

Скажи, что страсть порочна,
Что обожанье — лесть,
Что красота непрочна
И ненадежна честь.
Пустым — не дорожи,
Сорви личину лжи!

Скажи, что остроумье —
Щекотка для глупцов,
Что заумь и безумье
Венчают мудрецов.
Так прямо и скажи —
Сорви личину лжи!

Скажи, что все науки —
Предрассуждений хлам,
Что школы — храмы скуки,
А кафедры — Бедlam.
И пусть кричат ханжи —
Сорви личину лжи!

Скажи, что на Парнасе
У всякого — свой толк,
Что много разногласий,
А голос муз — умолк.
И пусть шумят ханжи —
Сорви личину лжи!

Скажи, что власть опасна
И что судьба слепа,
Что дружба — безучастна,
Доверчивость глупа.
Так прямо и скажи —
Сорви личину лжи!

Скажи, что суд как дышло
И вертят им за мзду.
Что совесть всюду вышла,
Зато разврат в ходу.
Пусть бесятся ханжи —
Сорви личину лжи!

Когда же всем по чину
Воздашь перед толпой,
Пускай кинжалом в спину
Пырнет тебя любой:
Ведь двум смертям не быть,
И душу – не убить!

Из поэмы «Океан к Цинтии»¹

К вам, погребенным радостям моим,
Я обращаю этот жалкий ропот,
Тоскою и раскаяньем казним,
Погибельный в душе итожа опыт.

Когда бы я не к мертвым говорил,
Когда бы сам я, как жилец могилы,
В бесчувствии холодном не застыл —
Взывающий к теням призрак унылый,

Я бы нашел достойнее слова,
Я бы сумел скорбеть высоким слогом;
Но ум опустошен, мечта мертвa —
И в гроб забита в рушице убогом...

Там, где еще вчера поток бурлил
Во всей своей мятежной, вешней силе,
Осталась лишь трясина, вязкий ил:
И я тону в болотном этом иле.

У нивы сжатой колосков прошу —
Я, не считавший встарь снопов тяжелых;

¹ Поэма, написанная в тюрьме и отправленная королеве Елизавете (она — Цинтия, сэр Уолтер Рэли — Океан).

В саду увядшем листья ворошу;
Цветы ищу на зимних дюнах голых...
О светоч мой, звезда минувших дней,
Сокровище любви, престол желаний,
Награда всех обид и всех скорбей,
Бесценный адамант воспоминаний!

Стон замирал при взоре этих глаз,
В них растворялась горечь океана;
Все искупал один счастливый час:
Что Рок тому, кому Любовь – охрана?

Она светла – и с нею ночь светла,
Мрачна – и мрачно дневное светило;
Она одна давала и брала,
Она одна язвила и целила.

Я знать не знал, что делать мне с собой,
Как лучше угодить моей богине:
Идти в атаку иль трубить отбой,
У ног томиться или на чужбине,

Неведомые земли открывать,
Скитаться ради славы или злата...
Но память разворачивала вспять —
Грозней, чем буря, – паруса фрегата.

Я все бросал: дела, друзей, врагов,
Надежды, миражи обогащенья, —

Чтоб, воротясь на этот властный зов,
Терпеть печали и влачить презренье.

Согретый льдом, морозом распален,
Я жизнь искал в безжизненной стихии:
Вот так телок, от матки отлучен,
Всё теребит ее сосцы сухие...

Двенадцать лет я расточал свой пыл,
Двенадцать лучших юных лет промчалось.
Не возвратить того, что я сгубил:
Все минуло, одна печаль осталась...

Довольно же униженных похвал,
Пиши о том, к чему злосчастье нудит,
О том, что разум твой забыть желал,
Но сердце никогда не позабудет.

Не вспоминай, какой была она,
Но опиши, какой теперь предстала:
Изменчива любовь и неверна,
Развязка в ней не повторит начала.

Как тот поток, что на своем пути
Задержан чьей-то властною рукою,
Стремится прочь преграду отмести,
Бурлит, кипит стесненною волною

И вдруг находит выход – и в него

Врываются, неудержим, как время,
Крушащее надежды, — таково
Любови женской тягостное бремя,

Которого не удержать в руках;
Таков конец столь долгих вожделений:
Все, что ты создал в каторжных трудах,
Становится добычею мгновений.

Все, что купил ценою стольких мук,
Что некогда возвел с таким размахом,
Заколебалось, вырвалось из рук,
Обрушилось и обратилось прахом!..

Стенания бессильны пред Судьбой;
Не сыщешь солнца ночью в тучах черных.
Там, впереди, где в скалы бьет прибой,
Где кедры встали на вершинах горных,

Не различить желанных маяков,
Лишь буйство волн и тьма до горизонта;
Лампада Геро скрылась с берегов
Враждебного Леандру Геллеспонта.

Ты видишь — больше уповать нельзя,
Отчаянье тебя толкает в спину.
Расслабь же руки и закрой глаза —
Глаза, что увлекли тебя в пучину.

Твой путеводный свет давно погас,
Любви ушедшей жалобы невнятны;
Так встреть же смело свой последний час,
Ты выбрал путь – и поздно на попятный!..

Пастух усердный, распусти овец:
Теперь пастись на воле суждено им,
Пощипывая клевер и чабрец;
А ты устал, ты награжден покоем.

Овчарня сердца сломана стоит,
Лишь ветер одичало свищет в уши;
Изорван плащ надежды и разбит
Символ терпенья – посох твой пастуший.

Твоя свирель, что изливала страсть,
Былой любви забава дорогая,
Готова в прах, ненужная, упасть;
Кого ей утешать, хвалы слагая?

Пора, пора мне к дому повернуть,
Мгла смертная на всем, доступном взору;
Как тяжело дается этот путь,
Как будто камень вкатываю в гору.

Бреду вперед, а сам назад гляжу
И вижу там, куда мне нет возврату,
Мою единственную госпожу,
Мою любовь и боль, мою утрату.

Что ж, каждый дал и каждый взял свое,
Наш спор пускай теперь Господь рассудит.
А мне воспоминание ее
Последним утешением да будет.

Проходит все, чем дышит человек,
И лишь одна моя печаль – навек.

**Томас Лодж
1558–1625**

Сын дворянина, одно время бывшего лорд-мэром Лондона. Получил образование в Колледже Троицы в Оксфорде, учился в Линкольнз-Инне. Как и многие другие студенты этой юридической школы, поддался искущению писательства. Автор ряда романов в изящном, «эвфуистическом» стиле, пересыпанных стихами, и поэмы «Метамор-

фозы Сциллы» (1589), повлиявшей на «Венеру и Адониса» Шекспира. В промежутке между писанием книг успел послужить солдатом и принять участие в экспедиции в Южную Америку. В 1597 году, в возрасте 39 лет, отправился в Ави-ньон изучать медицину и в дальнейшем занялся врачебной практикой. Издал трактат «История чумы» (1603), ряд религиозных сочинений, стихотворные переводы. В нем сочетались типично ренессансный подвижный ум и подлинный поэтический талант.

Сонет, начертанный алмазом на ее зеркале

Предательница! Вздрогни, вспоминая,
В какие ты меня втравила муки,
Как я вознес тебя, а ты, шальная,
Как низко пала – и в какие руки!

Пойми, распутница, что страсть и похоть
Красы твоей могильщиками станут
И что не вечно же вздыхать и охать
Влюбленный будет, зная, что обманут.

И ты забудешь, от какой причины
Безудержно так, дико хотела,
Когда твои бесчисленные морщины

Отобразит бесстрастное зерцало.

Ещё ты вспомнишь о благих советах,
Оставшись на бобах в преклонных летах.

Чидик Тичборн 1558? –1585

Происходил из семьи ревностных католиков. Оказался втянутым в так называемый «заговор Бабингтона» – провокацию, задуманную и мастерски проведенную шефом тайной полиции Елизаветы Фрэнсисом Уоллингом для получения решающих улик против Марии Стюарт. Семнадцать человек, надеявшихся освободить Марию из плена, были

приговорены к повешению и четвертованию.

Моя весна – зима моих забот

Написано в Тауэре накануне казни

Моя весна – зима моих забот;
Хмельная чаша – кубок ядовитый;
Мой урожай – крапива и осот;
Мои надежды – бот, волной разбитый.
Сколь горек мне доставшийся удел:
Вот – жизнь моя и вот – ее предел.

Мой плод упал, хоть ветка зелена;
Рассказ окончен, хоть и нет начала;
Нить срезана, хотя не спрядена;
Я видел мир, но сам был виден мало.
Сколь быстро день без солнца пролетел:
Вот – жизнь моя и вот – ее предел.

Я и не знал, что смерть в себе носил,
Что под моей стопой – моя гробница;
Я изнемог, хоть полон юных сил;
Я умираю, не успев родиться.
О мой Господь! Ты этого хотел? —
Вот – жизнь моя и вот – ее предел.

Уильям Шекспир

1564–1616

Биография Шекспира изучена со всей дотошностью, возможной при скучности сохранившихся документов. Сын уважаемого горожанина Стратфорда-на-Эйвоне, Уильям рано женился на девушке, бывшей существенно его старше, несколько лет спустя оставил родной город, пережил неизвестные нам приключения и в начале 1590-х годов очутил-

ся в Лондоне в качестве актера и начинающего драматурга. Опубликовал две поэмы, посвященные графу Саутгемптону, «Венера и Адонис» (1593) и «Обесчещенная Лукреция» (1594). Со временем стал совладельцем театра и приобрел кое-какую недвижимость в Лондоне и Стратфорде. Труппа, для которой он писал, пользовалась успехом при дворе, в особенности после воцарения короля Иакова. В 1613 году Шекспир вернулся в Стратфорд, где и умер, завещав золотые памятные кольца трем своим друзьям-актерам. Именно они собрали и издали собрание шекспировских пьес («Фолио 1623»), которое принесло ему славу.

Из поэмы «Венера и Адонис»

В тот час, когда в последний раз прощался
Рассвет печальный с плачущей землей,
Младой Адонис на охоту мчался:
Любовь презрел охотник удалой.

Но путь ему Венера преграждает
И таковою речью убеждает:
«О трижды милый для моих очей,
Прекраснейший из всех цветов долины,
Ты, что атласной розы розовей,
Белей и мягче шейки голубиной!

Создав тебя, природа превзошла
Все, что доселе сотворить могла.

Сойди с коня, охотник горделивый,
Доверься мне! – и тысячи услад,
Какие могут лишь в мечте счастливой
Пригрезиться, тебя вознаградят.

Сойди, присядь на мураву густую:
Тебя я заласкаю, зацелую.

Знай, пресыщенье не грозит устам
От преизбытка поцелуев жгучих,
Я им разнообразье преподам
Лобзаний – кратких, беглых и тягучих.
Пусть летний день, сияющий для нас,
В забавах этих пролетит, как час!»

Сказав, за влажную ладонь хватает
Адониса – и юношеский пот,
Дрожа от страсти, с жадностью вдыхает
И сладостной амброзией зовет.

И вдруг – желанье ей придало силы —
Рывком с коня предмет свергает милый!

Одной рукой – поводья скакуна,
Другой – держа строптивца молодого,
Как уголь, жаром отдает она;
А он глядит брезгливо и сурово,

К ее посулам холоднее льда,
Весь тоже красный — только от стыда.

На сук она проворно намотала
Уздечку — такова любови прыть!
Привязан конь: недурно для начала,
Наездника осталось укротить.

Верх в этот раз ее; в короткой схватке
Она его бросает на лопатки.

И, быстро опустившись рядом с ним, Ласкает, млея,
волосы и щеки;
Он злится, но лобзанием своим
Она внезапно гасит все упреки
И шепчет, прилепясь к его устам,
«Ну нет, браниться я тебе не дам!»

Он пыщет гневом, а она слезами
Пожары тушит вспыльчивых ланит
И сушит их своими волосами,
И ветер вздохов на него струит...

Он ищет отрезвляющее слово —
Но поцелуй все заглушает снова!

Как алчущий орел, крылом тряся

И вздрагивая зобом плотоядно,
Пока добыча не исчезнет вся,
Ее с костями пожирает жадно,
 Так юношу прекрасного взахлеб
 Она лобзала – в шею, в щеки, в лоб.

От ласк неукротимых задыхаясь,
Он морщится с досады, сам не свой;
Она, его дыханьем упиваясь,
Сей дар зовет небесною росой,
 Мечтая стать навек цветочной грядкой,
 Поимой щедро этой влагой сладкой.

Точь-в-точь как в сеть попавший голубок,
Адонис наш в объятиях Венеры;
Разгорячен борьбой, розовощек,
В ее глазах прекрасен он без меры:
 Так, переполнясь ливнями, река
 Бурлит и затопляет берега.

Но утоленья нет; мольбы и стоны,
Поток признаний страстных и похвал —
Все отвергает пленник раздраженный,
От гнева бледен, от смущенья ал.
 Ах как он мил, по-девичьи краснея!
 Но в гневе он еще, еще милее.

Что делать в этакой беде? И вот
Богиня собственной рукой клянется,
Что слез, катящих градом, не уймет
И от груди его не оторвется,
Покуда он, в уплату всех обид,
Один ей поцелуй не возвратит.

Услышав это, он насторожился,
Как боязливый селезень-нырок,
Скосил глаза – и было согласился
Ей заплатить желаемый оброк,
Но близкий жар у губ своих почуя,
Вильнул и ускользнул от поцелуя.

В пустыне путник так не ждал глотка,
Как жаждала она сей дани страстной;
Он рядом – но подмога далека,
Кругом вода – но пламя неугасно.
«О мой желанный, пощади меня!
Иль вправду ты бесчувственней кремня?

Как я тебя сейчас, меня когда-то
Молил войны неукротимый бог;
Набыча шею грубую солдата,

Рабом склонялся он у этих ног,
Униженно прося о том, что ныне
Без просьбы ты получишь у богини.

На мой алтарь он шлем свой воздевал,
Швырял свой щит и пику боевую —
И мне в угоду пел и танцевал,
Шутил, дурачился напропалую,
Смирив любовью свой свирепый нрав
И полем браны грудь мою избрав.

Так триумфатор, прежде необорный,
Был красотой надменной покорен;
В цепях из роз, безвольный и покорный,
Побрел за победительницей он.

Но, милый мой, не стань еще надменней,
Сразив ту, кем сражен был бог сражений.
Песенка Фесте из «Двенадцатой Ночи»
Друг мой милый, где ты бродишь,
Отчего ко мне не входишь?

Без тебя – тоска и мрак.
Прекрати свои блужданья,
Все пути ведут к свиданью,
Это знает и дурак.

Ты прекрасна и желанна,

Но судьба непостоянна,
Остывает сердца жар.
Нет резона в проволочке:
Коротки в июне ночки,
Юность – ветреный товар.

Последняя песенка Фесте

Когда я был совсем еще мал,
Дуй, ветер, дождь, поливай! —
Я много дров уже наломал,
И где уж грешному в рай!

Когда я взрослых годов достиг,
Дуй, ветер, дождь, поливай! —
Я другом стал воров и плутыг,
И где уж грешному в рай!

Когда жениться я пожелал,
Дуй, ветер, дождь, поливай! —
Сказали мне: убирайся, нахал,
И где уж грешному в рай!

Когда я вновь завалился спать,

*Дуй, ветер, дождь, поливай! —
Башкою спьяну сломал я кровать,
И где уж грешному в рай!*

Актеры устали, кончать пора,
Дуй, ветер, дождь, поливай! —
А завтра будет другая игра,
И где уж грешному в рай!

Песенки Шута из «Короля Лира»

Из II акта

(1)

Король корону, как яйцо,
Рассек мечом шутя,
Увидел две скорлупки —
Запрыгал, как дитя.

Пляши, пляши, цыпленок

С седою бородой,
Дурацкую макушку
Скорлупкою прикрой!

(2)

Шутам невесело сейчас,
Дела их стали плохи
С тех пор, как умники у нас
Ведут, как скоморохи.

(3)

Писклявил кукушонок,
Покуда был он мал,
А вырос из пеленок —
Папашу заклевал.

Из III акта

Буря бушует

(1)

В такую пору мы с дружком
За двери ни ногой;
Укрылся в домике один,
И в гульфике – другой.

Бродяга нынче, как султан,
Ночует в шалаше,
И с ним в обнимку – весь отряд
Его любимых вшей.

И только умник под дождем
Блуждает без дорог;
Он пятку до небес вознес,
А сердцем пренебрег.

Песня коробейника из «Зимней сказки»

Когда нарциссов первых стрелки
Выглядывают из-за пня,
И — *тира-лира* — свиристелки
Трезвонят с каждого плетня,

И — *тира-лира* — перерыва
Не знает певчая душа,
И воздух слаше кружки пива,
Хотя и кружка хороша,

И слышен в небе шум весенний —
Тиляра-лира — день-деньской,
Приятно поваляться в сене
Тогда с девчонкой хуторской!

Погребальная песня из «Цимбелина»

Ни хлад зимы, ни лета зной
Тебе отныне не страшны:
Ты расточил свой дар земной
На все четыре стороны.

Прощайся с солнышком и слазь,
Как трубочист, во тьму и грязь.

Ни гнев царя, ни ложь раба
Не властны над душой твоей.
Ждет та же смертная судьба
И палачей и лекарей.

Прекрасных юношей и дев
Зовет земли несытый зев.

Ни вспышка молний ночной,
Ни грома страшного раскат,
Ни хищных тварей жуткий вой
Тебе отныне не грозят.

Все, чем ты жил в любви, в мечтах,
Все это обратится в прах.

Из «Макбета»

Мы повторяем: завтра, завтра, завтра...
И с каждым «завтра» мелкими шагками
Мы приближаемся к концу времен,
И каждое «вчера» мостит нам путь
К могиле пыльной... Догорай, огарок!
Жизнь – только тень, дрянной комедиант,

Что пыжится и корчится на сцене,
Пока не кончит роль; она – рассказ
Безумца, полный ярости и шума,
Лишенный смысла...

Два сонета о поэте-сопернике

I

Не надобно прикрас для красоты —
Румян и пудры всякой лести вздорной;
В сравненье с тем, чего достоит ты,
Ничтожна лепта славы стихотворной.

Я и во сне тягаться не мечтал
С певцами – мастерами лицемерья:
Воистину высок предмет похвал
И слишком куцы нынешние перья.

Ты счел мое молчание виной? —
О нет, в заслугу мне должно вмениться,
Что я замкнул уста, пока иной
Сулит бессмертье, а творит гробницу.

Один твой взгляд живее, милый друг,
Всех наших поэтических потуг!

II

Его ль стихов раздутых паруса
Меня великолепием сразили,
Дум смелых заглушили голоса
И в гроб их колыбель преобразили?

Его ли духу что с духами привык
Общаться, к вечной приобщаясь Музе,
Сковал проклятьем бедный мой язык?
Увы – ни он, ни те, что с ним в союзе.

Пока его дурачит гость ночной
Любезною и вкрадчивой беседой,
Я нем не от восторга, – надо мной
Они не могут хвастаться победой.

Пока тебя он славит, я молчу:

Петь хором не могу и не хочу.

Джон Донн

1572–1631

Донн был правнуком Томаса Мора по материнской линии. Получил католическое воспитание в семье. Учился в Оксфорде и Кембридже, в лондонской юридической школе Линкольн-Инн. Участвовал в двух морских экспедициях под началом графа Эссекса. Поступил секретарем к лорду Эджертону, был избран членом парламента, но успешно начатая ка-

рьера была прервана опрометчивым браком, за которым последовала долгая опала. В дальнейшем принял сан священника, стал капелланом короля и настоятелем собора Святого Павла. Донна считают основоположником «метафизической школы» в английской поэзии. Его стихи, светские и религиозные, были опубликованы посмертно в 1633 г.

Эпиталама, сочиненная в Линкольн-Инн

I

Восток лучами яркими зажжен,
Прерви, Невеста, свой тревожный сон —
Уж радостное утро наступило,
И ложе одиночества оставь,
Встречай не сон, а явь!
Постель тоску наводит, как могила.
Сбрось простыню: ты дышишь горячо,
И жилка нежная на шее бьется,
Но скоро это свежее плечо
Другого, жаркого плеча коснется;
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

II

О дщери Лондона, вам заодно
Хвала! Вы – наше золотое дно,
Для женихов неистощимый кладезь!
Вы – сами ангелы, да и к тому ж
За каждой может муж
Взять «ангелов», к приданому приладясь:
Вам провожать подругу под венец,
Цветы и брошки подбирать к убору;
Не пожалейте ж сил, чтоб наконец
Невеста, блеском затмевая Флору,
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной отныне нареклась.

III

А вы, повесы, дерзкие юнцы,
Жемчужин этих редкостных ловцы,
И вы, придворных стайка попугаев!
Селяне, возлюбившие свой скот,
И шалый школьный сброд —
Вы, помесь мудрецов и шалопаев:
Глядите зорче все! Вот входит в храм

Жених, а вот и Дева, миловидно
Потупя взор, ступает по цветам;
Ах, не красней, как будто это стыдно!
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

IV

Двустворчатые двери раствори,
О Храм прекрасный, чтобы там, внутри,
Мистически соединились оба;
И чтобы долго-долго вновь ждала
Их гробы и тела
Твоя всегда несытая утроба.
Свершилось! Сочетал святой их крест,
Прошедшее утратило значение,
Поскольку лучшая из всех невест,
Достойная похвал и восхищенья,
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной отныне нареклась.

V

Ах, как прелестны зимние деньки!

Чем именно? А тем, что коротки
И быстро ночь приводят. Жди веселый
Иных, чем танцы, — и иных отрад,
Чем бойкий перегляд,
Иных забав любовных, чем доселе.
Вот смерклося, и первая звезда
Явилась бледной точкою в зените;
Упряжке Феба по своей орбите
И полпути не проскакать, когда
Уже ты в совершенство облечешься
И женщиной отныне наречешься.

VI

Уже гостям пора в обратный путь,
Пора и музыкантам отдохнуть,
Да и танцорам — сделать передышку;
Для всякой твари в мире есть пора,
С полночи до утра,
Поспать, чтоб не перетрудиться лишку.
Лишь новобрачным нынче не до сна,
Для них труды особые начнутся:
В постель ложится девушкой она —
Дай Бог ей в том же виде не проснуться!
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

VII

На ложе, как на алтаре Любви,
Лежиши ты нежной жертвой. О, сорви
Одежды эти, яркие тенёты!
Был ими день украшен, а не ты;
В одежде наготы,
Как истина, прекраснее всего ты!
Не бойся: эта брачная постель
Лишь для невинности могилой стала,
Для новой жизни это колыбель,
В ней обретешь ты все, чего искала:
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

VIII

Явленья ожидая жениха,
Она лежит, покорна и тиха,
Не в силах даже вымолвить словечка,
Пока он не склонится наконец
Над нею, словно Жрец,
Готовый потрошить свою овечку.

Даруйте радость ей, о Небеса! —
И сон потом навейте благосклонно.
Желанные свершились чудеса:
Она, ничуть не претерпев урона,
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной по праву нареклась.

Блоха

Взгляни и рассуди: вот блошка,
Куснула, крови выпила немножко,
Сперва — моей, потом — твоей;
И наша кровь перемешалась в ней.
Какое в этом прегрешенье?
Где тут бесчестье и кровосмешенье?
Пусть блошке гибель суждена —
Ей можно позавидовать: она
Успела радости вкусить сполна!

О погоди, в пылу жестоком
Не погуби три жизни ненароком:
Здесь, в блошке, — я и ты сейчас,
В ней храм и ложе брачное для нас;
Наперекор всему на свете
Укрылись мы в живые стены эти.
Ты смертью ей грозишь? Постой!

Убив блоху, убьешь и нас с тобой:
Ты не замолишь этот грех тройной.

Упрямица! Из прекословья
Взяла и ноготь обагрила кровью.
И чем была грешна блоха —
Тем, что в ней капля твоего греха?
Казнила — и глядишь победно:
Кровопусканье, говоришь, не вредно.
А коли так, что за беда? —
Прильни ко мне без страха и стыда:
В любви моей тем паче нет вреда.

Призрак

Когда убьешь меня своим презреньем,
Спеша с другим предаться наслажденьям,
О мнимая весталка! — трепещи:
Я к ложу твоему явлюсь в ночи
Ужасным гробовым виденьем,
И вспыхнет, замигав, огонь свечи.
Напрасно станешь тормошить в испуге
Любовника; он, игрищами сыт,
От резвой отодвинется подруги
И громко захрапит;
И задрожишь ты, брошенная всеми,

Испариной покрывшись ледяной,
И призрак над тобой
Произнесет... Но нет, еще не время! —
Не воскресить отвергнутую страсть;
Так лучше мщением упиться всласть,
Чем, устрашив, от зла тебя заклясть.

Пища любви

Амур мой погрузнел, отъел бока,
Стал неуклюж, неповоротлив он;
И я, приметив то, решил слегка
Ему урезать рацион,
Кормить его умеренностью впредь —
Неслыханная для Амура снедь!

По вздоху в день — вот вся его еда,
И то: глотай скорей и не блажи!
А если похищал он иногда
Случайный вздох у госпожи,
Я прочь вышвыривал дрянной кусок:
Он черств и станет горла поперек.

Порой из глаз моих он вымогал
Слезу, — и солона была слеза;

Но пуще я его остерегал
От лживых женских слез: глаза,
Привыкшие блуждать, а не смотреть,
Не могут плакать, разве что потеть.

Я письма с ним марал в единый дух,
А после – жег! Когда ж ее письму
Он радовался, пыжась, как индюк, —
Что пользы, я твердил ему,
За титулом, еще невесть каким,
Стоять наследником сороковым?

Когда же эту выучку прошел
И для потехи ловчей он созрел,
Как сокол, стал он голоден и зол:
С перчаткипущен, быстр и смел,
Взлетает, мчит и с лету жертву бьет!
А мне теперь – ни горя, ни забот.

Песенка

Трудно звездочку поймать,
Если скатится за гору;
Трудно черта подковать,
Обрюхатить мандрагору,

Научить медузу петь,
Залучить русалку в сеть,
И, старея,
Все труднее
О прошедшем не жалеть.

Если ты, мой друг, рожден
Чудесами обольщаться,
Можешь десять тысяч дён
Плыть, скакать, пешком скитаться;
Одряхлеешь, станешь сед
И поймешь, объездив свет:
Много разных
Дев прекрасных,
Только верных в мире нет.

Если встретишь, напиши —
Тотчас я пущусь по следу.
Нет, не надо, не спеши! —
Никуда я не поеду.
Кто мне клятвой подтвердит,
Что, пока письмо летит
И покуда
Я прибуду, —
Это чудо устоит?

Твикнамский сад

В тумане слёз, печалями повитый,
Я в этот сад вхожу, как в сон забытый;
И вот – к моим ушам, к моим глазам
Стекается живительный бальзам,
Способный залечить любую рану;
Но монстр ужасный, что во мне сидит,
Паук любви, который все мертвят,
В желчь превращает даже божью манну;
Воистину здесь чудно, как в Раю, —
Но я, предатель, в Рай привел змею.

Уж лучше б эти молодые кущи
Смял и развеял ураган ревущий!
Уж лучше б снег, нагрянув с высоты,
Оцепенил деревья и цветы,
Чтобы не смели мне в глаза смеяться!
Куда теперь укроюсь от стыда?
О Купидон, вели мне навсегда
Частицей сада этого остьаться,
Чтоб мандрагорой горестной стонать
Или фонтаном у стены рыдать!

Пускай тогда к моим струям печальным

Придет влюбленный с пузырьком хрустальным:
Он вкус узнает нефальшивых слез,
Чтобы подделку не принять всерьез
И вновь не обмануть себя, как прежде;
Увы! судить о чувствах наших дам
По их коварным клятвам и слезам
Труднее, чем по тени об одежде.
Из них одна доподлинно верна, —
И тем верней меня убьет она!

К восходящему солнцу

Ты нам велишь вставать? С какой же стати?
Ужель влюбленным
Жить по твоим резонам и законам?
Прочь, наглый дурень, от моей кровати!
Ступай, детишкам проповедуй в школе,
Усаживай портного за работу,
Селян сутулых торопи на поле,
Напоминай придворным про охоту;
А у любви нет ни часов, ни дней —
И нет нужды размениваться ей!

Напрасно блеском хвалишься, светило!
Сомкнув ресницы,
Я бы тебя заставил вмиг затмиться, —

Когда бы это милой не затмило.
Зачем чудес искать тебе далёко,
Как нищему, бродяжить по вселенной?
Все пряности и жемчуга Востока —
Там или здесь? — ответь мне откровенно.

Где все цари, все короли земли?
В постели здесь — цари и короли!

Я ей — монарх, она мне — государство,
Нет ничего другого;
В сравненье с этим власть — пустое слово,
Богатство — прах, и почести — фиглярство.
Ты, Солнце, в долгих странствиях устало:
Так радуйся, что зришь на этом ложе
Весь мир — тебе заботы меньше стало,
Согреешь нас — и мир согреешь тоже;
Забудь иные сферы и пути,
Для нас одних вращайся и свети!

Прощание, запрещающее печаль

Как шепчет праведник «пора»
Своей душе, прощаюсь тихо,
Пока царит вокруг одра
Печальная неразбериха,

Вот так, без ропота, сейчас
Простимся в тишине – пора нам;
Кощунством было б напоказ
Святыню выставлять профанам.

Страшат толпу толчки земли,
О них толкуют суеверы;
Но скрыто от людей вдали
Дрожание небесной сферы.

Любовь подлунную томит
Разлука бременем несносным:
Ведь суть влеченья состоит
В том, что потребно чувствам косым.

А нашу страсть влеченьем звать
Нельзя, ведь чувства слишком грубы;
Нерасторжимость сознавать —
Вот цель, а не глаза и губы.

Страсть наших душ над бездной той,
Что разлучить любимых тщится,
Подобно нити золотой,
Не рвется, сколь ни истончится.

Как ножки циркуля, вдвойне
Мы нераздельны и едины:
Где б ни скитался я, ко мне
Ты тянешься из середины.

Кружась с моим круженьем в лад,
Склоняешься, как бы внимая,
Пока не повернет назад
К твоей прямой моя кривая.

Куда стезю ни повернуть,
Лишь ты – надежная опора
Тому, кто, замыкая путь,
К истоку возвратится снова.

Алхимия любви

Кто глубже мог, чем я, любовь копнуть,
Пусть в ней пытает сокровенну суть;
А я не докопался
До жилы этой, как ни углублялся
В рудник Любви, – там клада нет отнюдь.
Сие – одно мошенство;

Как химик ищет в тигле Совершенство,
Но счастлив, невзначай сыскав
Какой-нибудь слабительный состав,
Так все мечтают вечное блаженство
Обрести в любви; но вместо пышных грез
Находят счастье – с воробышкой нос.

Ужели впрямь платить необходимо
Всей жизнию своей – за тень от дыма?

За то, чем каждый шут
Сумеет насладиться в пять минут
Вслед за нехитрой брачной пантомимой?
Влюбленный кавалер,
Что славит (ангелов беря в пример)
Сиянье духа, а не плоти,
Должно быть, слышит, по своей охоте,
И в дудках свадебных – музыку сфер.
Нет, знавший женщин скажет без раздумий:
И лучшие из них – мертвее мумий.

Прощание с любовью

Любви еще не зная,
Я в ней искал неведомого рая,
Я так стремился к ней,
Как в смертный час безбожник окаянный

Стремится к благодати безымянной

Из бездны темноты своей:

Незнанье

Лишь пуще разжигает в нас желанье,

Мы вожделеем — и растет предмет,

Мы остываем — сводится на нет.

Так жаждущий гостинца

Ребенок, видя пряничного принца,

Готов его украсть;

Но через день желание забыто,

И не внушиает больше аппетита

Обгрызенная эта сласть;

Влюбленный,

Еще недавно пылко исступленный,

Добившись цели, скучен и не рад,

Какой-то меланхолией объят.

Зачем, как Лев и Львица,

Не можем мы играючи любиться?

Печаль для нас — намек,

Чтоб не был человек к утехам жаден,

Ведь каждая нам сокращает на день

Отмеренный судьбою срок;

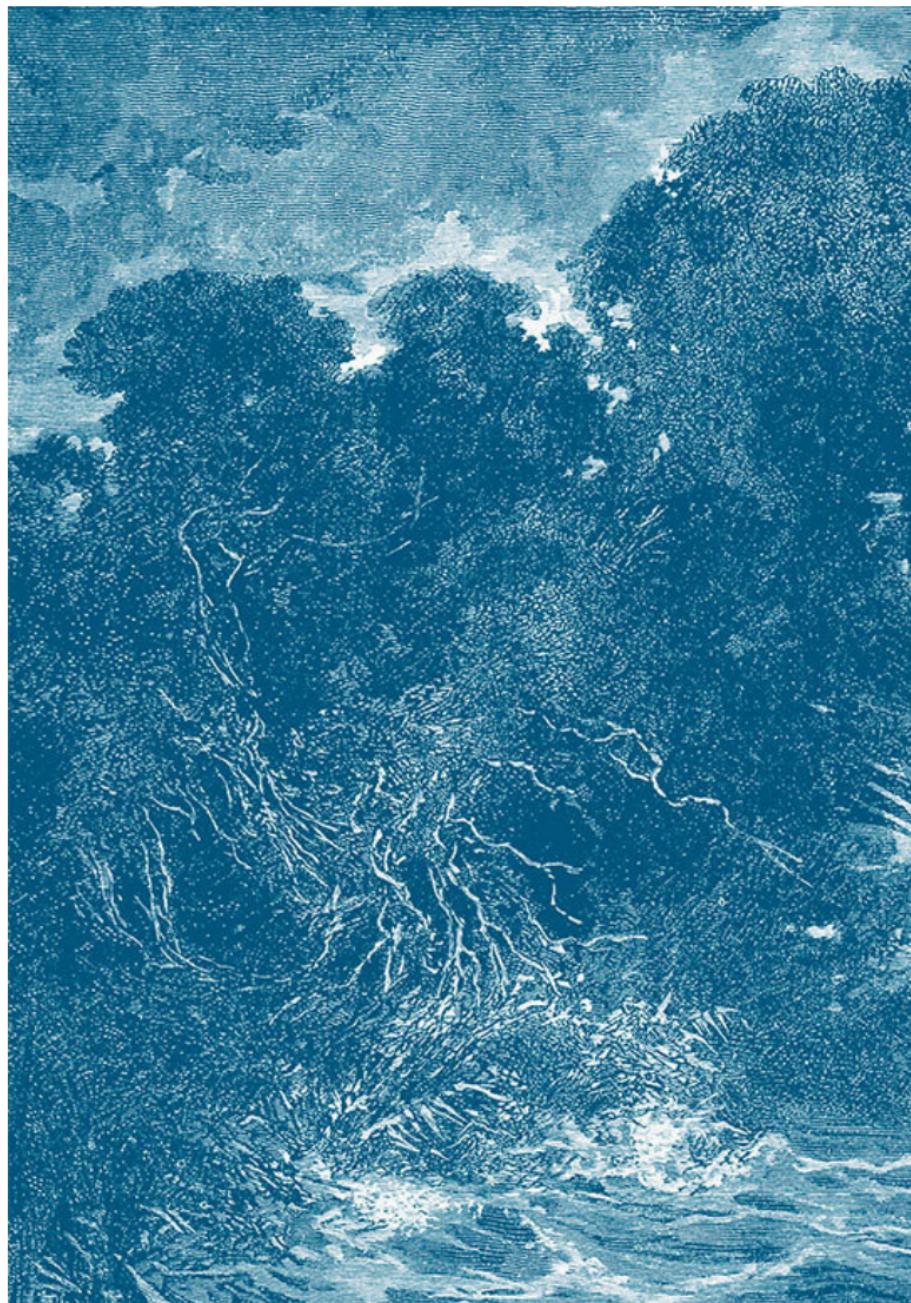
А краткость

Блаженства и существованья шаткость

Опять в нас подстрекают эту прыть —

Стремление в потомстве жизнь продлить.

О чём он умоляет,
Смешной чудак? О том, что умаляет
Его же самого, —
Как свечку, жжет, как воск на солнце, плавит,
Пока он обольщается и славит
Сомнительное божество.
Подальше
От сих соблазнов, их вреда и фальши! —
Но Змея грешного (так он силен)
Цитварным семенем не выгнать вон.

Элегии

Портрет

Возьми на память мой портрет; а твой —
В груди, как сердце, навсегда со мной.
Дарю лишь тень, но снизойди к дареню:
Ведь я умру — и тень сольется с тенью.
...Когда вернусь, от солнца черным став
И веслами ладони ободрав,
Заволосатев грудью и щеками,
Обветренный, обвеянный штормами,
Мешок костей, — скуластый и худой,
Весь в пятнах копоти пороховой,
И упрекнут тебя, что ты любила
Бродягу грубого (ведь это было!) —
Мой прежний облик воскресит портрет,
И ты поймешь: сравненье не во вред
Тому, кто сердцем не переменился
И обожать тебя не разучился.
Пока он был за красоту любим,
Любовь питалась молоком грудным;
Но в зрелых летах ей уже некстати
Питаться тем, что годно для дитяти.

Отречение

Дозволь служить тебе – но не задаром,
Как те, что чахнут, насыщаясь паром
Надежд, – иль нищенствуют от щедрот
Ласкающих посулами господ.
Не так меня в любовный чин приемли,
Как вносят в королевский титул земли
Для вящей славы, – жалок мертвый звук!
Я предлагаю род таких услуг,
Которых плата в них самих сокрыта.
Что мне без прав – название фаворита?
Пока я прозябал, еще не зная
Сих мук Чистилища, – не испытав
Ни ласк твоих, ни клятв с их едкой лжою,
Я мнил: ты сердцем воск и стать душою.
Вот так цветы, несомые волной,
Притягивает крутень водяной
И, в глубину засасывая, топит;
Так мотылька бездумного торопит
Свеча, дабы спалить в своем огне;
И так предавшиеся Сатане
Бывают им же преданы жестоко!
Когда я вижу Реку, от истока
Струящуюся в блеске золотом
Столь неразлучно с Руслом, а потом
Почавшую бурлить и волноваться,

От брега к брегу яростно кидаться,
Вздуваясь от гордыни, если вдруг
Над ней склонится некий толстый Сук,
Чтоб, и сама себя вконец измуча
И шаткую береговую кручу
Язвящими лобзаньями размыв,
Неудержимо ринуться в прорыв —
С бесстыжим ревом, с пылом сумасбродным,
Оставив Русло прежнее безводным, —
Я мыслю, горечь в сердце затая:
Она — сия Река, а Русло — я.
Прочь, горе! Ты бесплодно и недужно;
Отчаянью предавшись, безоружна
Любовь перед лицом своих обид:
Боль тупит, — но презрение острит.
Вглядусь в тебя острей и обнаружу
Смерть на щеках, во взорах тьму и стужу,
Лишь тени милосердья не найду;
И от любви твоей я отпаду,
Как от погрязшего в неправде Рима.
И буду тем силен неуязвимо:
Коль первым я проклятья изреку,
Что отлученье мне — еретику!

Изменчивость

Пусть накрепко перстами и устами

Союз любви скрепила ты меж нами
И, пав, тем паче в любящих глазах
Возвysилась, – но не развеян страх!
Ведь женщины, как музы, благосклонны
Ко всем, кто смеет презирать препоны.
Мой чиж из клетки может улететь,
Чтоб завтра угодить в другую сеть,
К ловцу другому; уж таков обычай,
Чтоб были женщины мужской добычей.
Природа постоянства не блюдет,
Все изменяют: зверь лесной и скот.
Так по какой неведомой причине
Должна быть женщина верна мужчине?
Вольна галера, хоть прикован раб:
Пускай гребет, покуда не ослаб!
Пусть сеет пахарь семя животворно! —
Но пашня примет и другие зерна.
Впадает в море не один Дунай,
Но Эльба, Рейн и Волга – так и знай.
Ты любишь; но спроси свою природу,
Кого сильней – меня или свободу?
За сходство любят; значит, я, чтоб стать
Тебе любезным, должен изменять
Тебе с любой? О нет, я протестую!
Я не могу, прости, любить любую.
С тобою я тягаться не рискну,
Хоть мой девиз: «не всех, но не одну».
Кто не видал чужих краев – бедняга,
Но жалок и отчаянный бродяга.

Смердящий запах у стоячих вод,
Но и в морях порой вода гниет.
Не лучше ли, когда кочуют струи
От брега к брегу, ласки им даря?
Изменчивость – источник всех отрад,
Суть музыки и вечности уклад.

На раздевание возлюбленной

Скорей сударыня! я весь дрожу,
Как роженица, в муках я лежу;
Нет хуже испытанья для солдата —
Стоять без боя против супостата.
Прочь – поясок! небесный обруч он,
В который мир прекрасный заключен.
Сними нагрудник, звездами расшитый,
Что был от наглых глаз тебе защитой;
Шнурок распусти! уже для нас
Куранты пробили заветный час.
Долой корсет! он – как ревнивец старый,
Бессонно бдящий за влюбленной парой.
Твои одежды, обнажая стан,
Скользят, как тени с утренних полян.
Сними с чела сей венчик золоченый —
Украсься золотых волос короной,
Скинь башмачки – и босиком ступай
В святилище любви – альковный рай!

В таком сиянье млечном серафимы
На землю сходят, праведникам зrimы;
Хотя и духи адские порой
Облечься могут лживой белизной, —
Но верная примета не обманет:
От тех — власы, от этих плоть восстанет.

Моим рукам-скитальцам дай патент
Обследовать весь этот континент;
Тебя я, как Америку, открою,
Смирю — и заселю одним собою.
О мой трофей, награда из наград,
Империя моя, бесценный клад!
Я волен лишь в плenу твоих объятий.
И ты подвластна лишь моей печати.
Явись же в наготе моим очам:
Как душам — бремя тел, так и телам
Необходимо сбросить груз одежды,
Дабы вкусить блаженство. Лишь невежды
Клюют на шелк, на брошь, на бахрому —
Язычники по духу своему!
Пусть молятся они на переплеты,
Не видящие дальше позолоты
Профаны! Только избранный проник
В суть женщин, этих сокровенных книг
Ему доступна тайна. Не смущайся, —
Как повитухе, мне теперь предайся.
Прочь это девственное полотно! —

Ни к мести, ни ко времени оно.
Продрогнуть опасаешься? Пустое!
Не нужно покрывал: укройся мною.

Любовная наука

Дуреха! сколько я убил трудов,
Пока не научил в конце концов
Тебя – премудростям любви. Сначала
Ты ровно ничего не понимала
В таинственных намеках глаз и рук;
И не могла определить на звук,
Где дутый вздох, а где недуг серьезный;
Или узнать по виду влаги слезной,
Озnob иль жар поклонника томит;
И ты цветов не знала алфавит,
Который, душу изъясняя немо,
Способен стать любовною поэмой!
Как ты боялась очутиться вдруг
Наедине с мужчиной, без подруг,
Как робко ты загадывала мужа!
Припомн, как была ты неуклюжа,
Как то молчала целый час подряд,
То отвечала вовсе невпопад,
Дрожа и запинаясь то и дело.
Клянусь душой, ты создана всецело
Не им (он лишь участок захватил

И крепкою стеной огородил),
А мной, кто, почву нежную взрыхляя,
На пустоши возделал рощи рая.
Твой вкус, твой блеск – во всем мои труды;
Кому же, как не мне, вкусить плоды?
Ужель я создал кубок драгоценный,
Чтоб из баклаги пить обыкновенной?
Так долго воск трудился размягчать,
Чтобы чужая втиснулась печать?
Объездил жеребенка – для того ли,
Чтобы другой скакал на нем по воле?

Любовная война

Пока меж нами бой, другим задираю
Дай отворот – и отпусти их с миром;
Лишь мне, прекрасный Град, врата открой!
Возможет ли других наград герой?
К чему нам разбирать фланандцев смуты:
Строптива чернь или тираны люты —
Кто их поймет! Все тумаки тому,
Кто унимает брань в чужом дому.
Французы никогда нас не любили,
А тут и бога нашего забыли;
Лишь наши «ангелы» у них в чести:
Увы, нам этих падших не спасти!
Ирландию трясет, как в лихорадке:

То улучшенье, то опять припадки.
Придется, видно, ей кишki промыть
Да кровь пустить – поможет, может быть.
Что ждет нас в море? Радости Мидаса:
Златые сны – и впроголодь припаса;
Под жгучим солнцем в гибельных краях
До срока можно обратиться в прах.
Корабль – тюрьма, причем сия темница
В любой момент готова развалиться;
Иль монастырь, но торжествует в нем
Не кроткий мир, а дьявольский содом;
Короче, то возок для осужденных
Или больница для умалишенных:
Кто в Новом Свете приключений ждет,
Стремится в Новый, попадет на Тот.
Хочу я здесь, в тебе искать удачи —
Стрелять и влагой истекать горячей;
В твоих объятьях мне и смерть, и плen;
Мой выкуп – сердце, дай свое взамен!
Все боятся, чтобы миром насладиться;
Мы отыхаем, чтобы вновь сразиться.
Там – варварство, тут – благородный бой;
Там верх берут враги, тут верх – за мной.
Там бьют и режут в схватках рукопашных,
А тут – ни пуль, ни шпаг, ни копий страшных.
Там лгут безбожно, тут немножко льстят,
Там убивают смертных – здесь плодят.
Для ратных дел бойцы мы никакие;
Но, может, наши отпрыски лихие

Сгодятся в строй. Не всем же воевать:
Кому-то надо и клинки ковать;
Есть мастера щитов, доспехов, ранцев...
Давай с тобою делать новобранцев!

Послания

Томасу Вудворду

Ступай, мой стих хромой, к кому – сам знаешь;
В дороге, верно, ты не заплутаешь.
Я дал тебе, мой верный вестовщик,
Подобье стоп, и разум, и язык.
Будь за меня представитель и молитель,
Я твой один Творец, ты мой Спаситель.
Скажи ему, что долгий, мудрый спор,
В чем ад и где, окончен с этих пор;
Доказано, что ад есть разлученье
С друзьями – и безвестности мученье —
Здесь, где зараза входит в каждый дом
И поджидает за любым углом.
С тобой моя любовь: иди, не мешкай,
Моей ты будешь проходною пешкой,
Коль избегу ужасного конца;
А нет – так завещаньем мертвца.

Томасу Вудворду

Тревожась, будто баба на сносях,
Надежду я носил в себе и страх:
Когда ж ты мне напишешь, вертопрах?

Я вести о тебе у всех подряд
Выклянчивал, любой подачке рад,
Гадая по глазам, кто чем богат.

Но вот письмо пришло, и я воскрес,
Голь перекатная, я ныне Крез,
Голодный, я обрел деликатес.

Душа моя, поднявшись от стола,
Поет: хозяйской милости хвала!
Все, что твоя любовь моей дала,

Обжорствуя, я смел в один присест;
Кого кто любит, тот того и ест.

Эдварду Гилпину

Как все кривое жаждет распрямиться,
Так стих мой, копошась в грязи, стремится
Из низменности нашей скорбной ввысь
На гордый твой Парнас перенестись.
Оттуда ты весь Лондон зришь, как птица;
Я принужден внизу, как червь, ютиться.
В столице нынче развлечений ноль,
В театрах – запустение и голь.
Таверны, рынки будто опростались,
Как женщины, – и плоскими остались.
Насытить нечем мне глаза свои:
Всё казни да медвежии бои.
Пора бежать в деревню, право слово,
Чтоб там беглянку-радость встретить снова.
Держись и ты укромного угла;
Но не жирей, как жадная пчела,
А как купец, торгующий с Москвою,
Что летом возит грузы, а зимою
Их продает, – преобрази свой Сад
В полезный Улей и словесный Склад.

Штурм

Кристоферу Бруку

Тебе – почти себе, зане с тобою
Мы сходственны (хоть я тебя не стою),
Шлю несколько набросков путевых;
Ты знаешь, Хильярда единый штрих
Дороже, чем саженные полотна, —
Не обдели хвалою доброхотной
И эти строки. Для того и друг,
Чтоб другом восхищаться сверх заслуг.

Британия, скорбя о блудном сыне,
Которого, быть может, на чужбине
Погибель ждет (кто знает наперед,
Куда Фортуна руль свой повернет?),
За вздохом вздох бессильный исторгала,
Пока наш флот томился у причала,
Как бедолага в яме долговой.
Но ожил бриз, и флаг над головой
Затрепетал под ветерком прохладным —
Таким желанным и таким отрадным,
Как окорока сочного кусок
Для слипшихся от голода кишок.
Подобно Сарре мы торжествовали,

Следя, как наши паруса вспухали.
Но как приятель, верный до поры,
Склонив на риск, выходит из игры,
Так этот ветерок убрался вскоре,
Оставив нас одних в открытом море.
И вот, как два могучих короля,
Владений меж собой не поделя,
Идут с огромным войском друг на друга,
Сошлись два ветра – с севера и с юга;
И волны вспустили морскую гладь
Быстрей, чем это можно описать.
Как выстрел, хлопнул под напором шквала
Наш грот; и то, что я считал сначала
Болтанкой скверной, стало в полчаса
Свирепым штормом, рвущим паруса.
О бедный, злополучный мой Иона!
Я проклинаю их, – бесцеремонно
Нарушивших твой краткий сон, когда
Хлестала в снасти черная вода!
Сон – лучшее спасение от бедствий:
И смерть, и воскрешенье в этом средстве.
Проснувшись, я узрел, что мир незрим,
День от полуночи неотличим,
Ни севера, ни юга нет в помине,
Кругом Потоп, и мы – в его пучине!
Свист, рев и грохот окружали нас,
Но в этом шуме только грома глас
Был внятен; ливень лил с такою силой,
Как будто дамбу в небесах размыло.

Иные, в койки повалясь ничком,
Судьбу молили только об одном:
Чтоб смерть скорей их муки прекратила;
Иль, как несчастный грешник из могилы
Трубою призванный на Божий суд,
Дрожа, высовывались из кают.

Иные, точно обомлев от страха,
Следили тупо в ожиданье краха
За судном; и казалось впрямь оно
Смертельной немощью поражено:
Трясло в ознобе мачты, разливалась
По палубе и в трюме бултыхалась
Водянка мерзостная; такелаж
Стонал от напряженья; парус наш
Был ветром-вороном изодран в клочья,
Как труп повешенного прошлой ночью.

Возня с насосом измотала всех,
Весь день качаем, а каков успех?
Из моря в море льем, – а в этом деле
Сизиф рассудит, сколько преуспели.
Гул беспрерывный уши заложил.

Да что нам слух, коль говорить нет сил?
Перед подобным штурмом, без сомненья,
Ад – легкомысленное заведенье,
Смерть – просто эля крепкого глоток,
А уж Бермуды – райский уголок.
Мрак заявляет право первородства
На мир – и закрепляет превосходство,
Свет в небеса изгнав. И с этих пор

Быть хаосом – вселенной приговор.
Покуда Бог не изречет другого,
Ни звезд, ни солнца не видать нам снова.
Прощай! От этой качки так мутит,
Что и к стихам теряешь аппетит.

Генри Гудьери, побуждая его отправиться путешествовать за границу

Кто новый год кроит на старый лад,
Тот сокращает сам свой век короткий:
Мусолит он в который раз подряд
Все те же замусоленные четки.

Дворец, когда он зодчим завершен,
Стоит, не возносясь мечтой о небе;
Но не таков его хозяин: он
Упорно жаждет свой возвысить жребий.

У тела есть свой полдень и зенит,
За ними следом – тьма; но Гостья тела,
Она же солнце и луну затмит,
Не признает подобного предела.

Душа, труждаясь в теле с юных лет,
Все больше алчет от работы тяжкой;
Ни голодом ее морить не след,
Ни молочком грудным кормить, ни кашкой.

Добудь ей взрослой пищи. Испытав
Роль школьара, придворного, солдата,
Подумай: не довольно ли забав,
В страду грешна пустая сил растрата.

Ты устыдился? Отряси же прах
Отчизны; пусть тебя другая драма
На время развлечет. В чужих краях
Не больше толка, но хоть меньше срама.

Чужбина тем, быть может, хороша,
Что вчуже ты глядишь на мир растленный.
Езжай. Куда? – не все ль равно. Душа
Пресытится любою переменой.

На небесах ее родимый дом,
А тут – изгнанье; так угодно Богу,
Чтоб, умудрившись в странствии своем,
Она вернулась к ветхому порогу.

Все, что дано, дано нам неспроста,
Так дорожи им, без надежд на случай,
И знай: нас уменьшает высота,
Как ястреба, взлетевшего за тучи.

Вкус истины познать и возлюбить —
Прекрасно, но и страх потребен Божий,
Ведь, помолившись, к вечеру забыть
Обещанное поутру — негоже.

Лишь на себя гневись и не смотри
На грешных. Но к чему я повторяю
То, что твердят любые буквари,
И что на мисках пишется по краю?

К тому, чтобы ты побыл у меня;
Я лишь затем и прибегаю к притчам,
Чтоб без возка, без сбруи и коня
Тебя, хоть в мыслях, привезти к нам в Митчем.

Генри Уоттону

Сэр, в письмах душ слияние тесней,

Чем в поцелуях; разговор друзей
В разлуке – вот что красит прозябанье,
Когда и скорби нет – лишь упованье
На то, что день последний недалек
И, Пук травы, я лягу в общий Стог.

Жизнь – плаванье; Деревня, Двор и Город
Суть Рифы и Реморы. Борт распорот
Иль Прилипала к днищу приросла —
Так или этак не избегнуть зла.
В печи экватора горишь иль стынешь
Близ ледовитых полюсов – не минешь
Беды: держись умеренных широт;
Двор чересчур бока тебе печет
Или Деревня студит – все едино;
Не Град ли золотая середина?
Увы, Тарантул, Скорпион и Скат —
Не щедрый выбор; точно так и Град.
Из трех что назову я худшей скверной?
Все худшие: ответ простой, но верный.
Кто в Городе живет, тот глух и слеп,
Как труп ходячий: Город – это склеп.
Двор – балаган, где короли и плуты
Одной, как пузыри, тщетой надуты.
Деревня – дебрь затерянная; тут
Плодов ума не ценят и не чтут.
Дебрь эта порождает в людях скотство,
Двор – лизоблюдство, Город – идиотство.

Как элементы все, один в другом,
Сливались в Хаосе довременном,
Так Похоть, Спесь и Алчность, что присущи
Сиим местам, одна в другой живущи,
Кровосмесительствуют и плодят
Измену, Ложь и прочих гнусных чад.
Кто так от них Стеною обнесется,
Что скажет: грех меня, мол, не коснется?
Ведь люди – губки; странствуя среди
Проныр, сам станешь им, того гляди.
Рассудок в твари обернулся вредом:
Пал первым Ангел, черт и люди – следом.
Лишь скот не знает зла; а мы – скоты
Во всем, за исключеньем простоты.
Когда б мы сами на себя воззрились
Сторонним оком, – мы бы удивились,
Как быстро Утопический балбес
В болото плутней и беспутства влез.

Живи в себе: вот истина простая;
Гости везде, нигде не прирастают.
Улитка всюду дома, ибо дом
Несет на собственном горбу своем.
Бери с нее пример не торопиться;
Будь сам своим Дворцом, раз мир – Темница.
Не спи, ложась безвольно на волну,
Как поплавок, – и не стремись ко дну,
Как с лески оборвавшейся грузило:

Будь рыбкой хитрою, что проскользила —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.